

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

КРАСНАЯ АРМИЯ.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

Агитационно-Просветительного Отдела Самарского Губернского
Военного Комиссариата.

№ 5.

И Ю Л Ь.

САМАРА
Тип. Совнархоза № 1.
1919 г.

А/к. 1934/4

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

RESEARCH REPORT

IN THE

DEPARTMENT OF CHEMISTRY

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

BERKELEY, CALIFORNIA

1950

NO. 2

— 1950 —

Июль

Петроградскому пролетариату посвящаю.

Он был подавлен.
Она торжествовала.

— Кха-ха-ха...

Она смеялась хриплыми нетрезвыми перека-
тами, подземными стонами, далекими непонятно-
протяжными стужами, похожими на мягкие зары-
вы сварядов, сухим и колючим лизгом ключей.

Ритмично и плавно сотрясались холодные
своды, и зловонным запахом «параш» несло от
сеи ослепивших десен.

— Ну-е... Как дела-а ха-ха...

— Да.—Ты смеешься странно... Но я не
боюсь.

— Надеешься?

— Знаю.

— О, странные люди свободы! И все, как
один. Все, кого я держала в объятиях и пинала,
старая няня—пестунья ха-ха-ха...

— Слушай ты, Хохочущая!..

Сверкнула тишина зияющей и темной пусто-
той.

— Я хотел лишь напомнить тебе, что хохочешь,
старую-старую поговорку народа: *смеется,
седь, тот, кто смеется последним.*

Он встал, потянулся выпрямляясь широко
и свободно вдохнул... И смело и громко зашел.

— Я—Пролетарий! свободен как море.

Свободен как утренний вздох...

Тонот, звои ключей, резкий стук, бранный
крик, и гудит волчок—дозорка.

— Нельзя...

— Ха-ха...

Отложил койку и лег; блаженно растянувши-
сь... Дозорка гудела.

— Нельзя...

— Ха-ха-ха.

Сквозь по холодному камню, поднялся на
мускулах, к решетке прищик.

Удлин бросила реско.

— Нельзя...

— Ха-ха-ха-ха... Все еще надеешься?

— Знаю, Я—молод!..

— Молодые, здоровые полные жизни и силы
вы все приходили. Гордые. И все презирали меня,
старую няню—пестунью—ха-ха... Много их
было, много их помню и многих и многих забыла
моя устаревшая память. И всех я равняла и всех
старела—я, старая няня—пестунья ха-ха... Да
вот у тебя уже—видишь?—седые... седые... Се-
дые—ха-ха...

Волосы вдруг напряглись, дольнуло в за-
тылке, у зба, на вершинке. Прадь седую безжиз-
ненно—белую увидел он у себя.

— Ха-ха-ха... Ты-ы-ы... Бу-у-ум,—носп-
лось, кружилось, стонало, стучало, звенело и су-
хо и жестко печально...

— Знаю, Я—силен!—крикнул он, заглушая
бессмысленный хохот, напругая могучее тело, му-
скулы рук и высокую грудь.

— Сильные телом и духом они приходили.
Все, как один. Не хотели... Не шли в мой распро-
стертые мягко и властно объятия... И много их бы-
ло, и много их помню, и многих, и многих забыла
моя устаревшая память. Неизбывный гранит на
полу, в потолках и стенах, решетка крепка, и
вдвана крепко железная койка и воздух, даже
воздух здесь—мой... С глаза на глаза были с ка-
ждым вдвоем здесь, меряли взглядом друг друга
враждебно.

Взгляд мой всегда незаметен, он сер, постоя-
нен—изоры их тухли всегда неизменно—ха-ха...
Жизненный, торло—горячий осмысленный взор
твой потухнет... Потухнет... Потухнет... Ха-ха...
Неизменно, незаметно вытяну я из тебя здоровье,
мускулы, жилы и кровь... Пространство мое—
узко и темно, безобразно—квадратно, однообразно,
пазойливо, как Топнота. Время мое неопреде-
ленно и ползуче. Медленно ползет, как твое гра-
дущее освобождение утешенных—ха-ха... И ты
не дождался, не выдержавши ты и скоро и скоро,
большой и бессильный, в объятия мои упадешь.
И буду качать тебя, буду бьковать, и будешь ты
биться в мою непрестиную вечно холодную, вечно
спокойную грудь. То будет отчаяние. То будет
копец твой. Ха-ха-ха... Ты-ы-ы... Бу-у-у-ум...

— Не правда, Я—жив!

Тишина. Зияющий провал.

— А-а... Что ж не хохочешь?

— Я убью тебя, проклятый!

Дико взвизгнула, повывел голос до отчаян-
ных рыданий.

— Ага, не любишь живых.

Он тихо, счастливо смеялся, с презрением
смотрел на нее.

— Ты мертва.

Никогда не жившая, жизни не знавшая, чуж-
дая всем и всеми презираемая, ты не можешь и не
будешь жить. Подло, постыло допеваешь свою ле-
бединую песню—докадший суточ в прозрачном
глазе человечества. Жизнь—вечное движение.

Жизнь мпует тебя—мимо идет полная песня, рыданий, страшений упорной неумолимой борьбы повсюду. Ты слышишь—Жизнь!.. Она там,—за твоими стенами бурлит и клопочет, гложет и точит твердыни твои. И падут твои твердыни... Падут неизменно—не могут не пасть. Ты слышишь? Смотри! Оттуда с Востока—где Солнце—на помощь больным, угнетенным, гигантскими шагами идет—Грядущее. Идет мне—и нам навстречу. Я—там... Душой и скоро буду телом там. Я жив—Грядущее за мной!

— Я убью тебя!..

— Я знаю—ты злой. Ты зверь, когда дело до битвы доходит. Но знаю я так же: ты трус. А бой предвостыний—открытый, решительный бой...

И слышишь, с Востока—где Солнце—идет Грядущее, товарищ живых. Ты видишь—бросает оно на мир угнетенных предостережение кроваво-красные снопы—зародыши Вечного Света? Оттуда с Востока—где Солнце,—несет упорно сквозь черные ветры и непогоды, сквозь стоны и скрежет, сквозь толщи твоих неприступных гробниц—радостная песня. Освобождения. Ты слышишь, старая отжившая, пугающая, но гнилая?

— Нет, тебе почудилось. Всюду ночь умирающая, тишина заколдованная и мой покой—ха-ха. У-у-у... Гы-гы-ух...

— Оставь пуганья. Не лги! Ты слышишь, но у тебя нет выхода.

Он засмеялся киззеродостным смехом уничтожения.

— Ррр... Я убью тебя...

— А а а, ты слышишь, ты видишь, ты чувствуешь. Я жив—я свободен...

Смотри!

Широким взмахом, пасыщенным несокрушимой верой, несокрушимой силой, он поднял могучую руку. Он вперил в нее пристальный жизнью и силой и верой,—и знавьем сверкающий взор.

И страшно громадная, непоколебимо каменная, цепко вросшая в землю, холодная квадратная—она упала перед ним на колени.

— Ха-ха-ха. Торжествуяще смеялся он смехом жизни и борьбы.

— Смотри!.. Тьмы уж нет—всюду Свет и разрушены черные горы—Ха-ха-ха...

А она, теперь хлипкая безформенная серость, в смелости уползала, подбирая грязно—пепельные холы одежд.

Он стоял в прежней позе с грозно поднятой мозолистой рукой, выпрямляясь. И рос. Красный, молодой, жадный к жизни, борьбе и победе. И пружинились стальные мускулы и фанатично горел его взор.

До безпредельности раздвинул горизонт, и засверкали новые—его—Пространство и Время. Миллионы звуков, стонов, шумов, криков, новой жизни с головокружительной быстротой ворвались обилии, обилии его, лаская и благодари...

Кроваво-красные предостережения блики зародыши Вечного Света и Дня—обилии трудовое человечество.

Спокохи далеких подарков взметнулись все ближе и ближе... Стои и скрежет Прошлого... Ураган сарафов Настоящего. Битвы... Кровь... Чуждая новая захватительная лья... Кровь...

Но раздольно—широким полям, по смачиванным горбы городам несется гимн:

Земля ничья... Земля ничья.

Ничья—ничья... ничья, ничья...

И все ничье—ничье ничье...

Ничье—ничье... Ничье—ничье...

Красная песня предостережений красной зарей. Мировая песня освобождения сочтется кровью по земле...

Что вечно звучало в душах угнетенных, вырвалось рдяным пожаром. Жгущей красной рекою.

Оттуда

С Востока,

Где Солнце—

Где Будущий День.

Дорогойченко.

ПЕТРОГРАДУ.

Туман белесый гибель стелет
Над помутневшею Невой—
Из нашей Красной Колыбели
Зовет вабат:—На бой! на бой!
Источник творчества живого,
Титан не знающий преград—
Твое чело в вене терповом,
Кремнистый, красный Петроград!
Ты на Голгофу шел в Июле
За власть рабочих и крестьян...
Тебя изранили, распушили—
И ликовал лакейский стан.
И пот, и кровь текли струей

В твоём прокопленном ребре.
Но ты воскрес—готовый к бою—
В мятежном жарком Октябре,
Чезез злой призрак, топю не был—
И ты над миром вознесен.
Звонит впервые не для неба
Объявивший землю красный звон.
Вперед! за тех, кого раздели!
Под стенами Башни Мировой—
На помощь Красной Колыбели—
Зовет вабат: на бой! на бой!

Дорогойченко.

ТУДА...

„Страх смерти— вот что меня
еще людям быть счастливым, красивым,
свободным любили“.
„Дети Солнца“ М. Горький.

I.

Нина проснулась рано. Еще по детской привычке она поспела на койке, подобрал под себя ноги, поймала глазами солнечного зайчика на стене и снова легла на «минутку». В улице уже гремели колеса и дробно покакали подковы скачущих лошадей. Слышалось хлопанье моторного велосипеда.

Вчера Нина была на митинге рабочих и, как всегда, с напряженным вниманием слушала рабочих-ораторов. Потом заходила в городской сад над Волгой и долго смотрела на черные пятаки затерянных лодок, утонувших в сумраке наступающего вечера. Вечером пробовала читать. На столе перед ней лежала раскрытая книга еще недавно любимого писателя, но когда она силсилась связать несколько строчек, в душу к ней лезло что-то расслабляющее и до безразличности скучное. Книга уже не нравилась ее, и не было той внутренней радости, какую испытывала на собраниях... Недавно любимым писателем называл теперь сердце каким-то томленьем.

За два года революции перед Ниной прошла целая вереница людей: и рабочие, и чиновники, и обыватели. В одних—горела вера, энергия, в других—отрицалась пыльная городская улица. Одни—умирали с гордой улыбкой, другие—бежали от смерти с некажениыми лицами и притались, как тараканы по щелям...

Нинина мама, старый либеральный чиновник, некогда тоже говорил:

— А-а... Революция!.. она, брат, покажет...

Но лично для него она показала только одно, что он уже отработал свой век и способен лишь пренебрежительно тыкать пальцем в революционную газету да, морщась, покачивать головой... С тех пор, как вступила пролетарская революция, он начал брызгать, возмущаться и доказывать, что революция чужда не тем путем, и не так, как бы хотелось ему. И великий раз, прислушиваясь к отцовскому брызжанию, Нине становилось стыдно.

Зараженная подъемом рабочих, она горела другим огнем, мыслила не так, как мыслил отец и ей хотелось сделать что-нибудь особенное, чтобы глубоко и полно использовать молодую непечатную силу...

Каждый день сотни и тысячи людей уходили туда—на красные фронты. Шла пыльная жизнедеятельная молодость, способная умереть за других... Шли юности, девушки, и, глядя на уходивших, Нина думала:

— Какая сила ведет их?

II.

В восемь часов пили чай. Павел Михайлыч, Нинина папа, подобрал обжигенные губы, торопливо просматривал газету, вскидывая плечи. Мать в широкой утренней кофте осторожно обнюхивала хлеб, принесенный из квартальной лавки.

— Боже мой!—говорила она, закрывая глаза.—И куда мы только идем... Куда идем. Ужас!..

Каждое утро за чаем проходили маленькие домашние сценки. Мать обвиняла рабоче-крестьянское правительство, отец, тыкая пальцем в газету, указывал на недостатки правительственного механизма, а Нина горячо возражала. Мать осуждающе трясла подбородком. Иногда она говорила с упреком:

— Ты ужасно портишься, Нина!. Откуда у тебя такая манера размахивать руками?... Ходишь ширпырьжку, словно мальчишка, а при разговоре с мужичинами кладешь ногу на ногу...

Нина не могла оставаться спокойной. Все эти выговоры с раздражающим пледаньем туфель заставляли ее вешивать и презрительно суживать брови. А когда мать, расстроившая, ложилась в постель, в объяснения с дочерью вступал сам Павел Михайлыч.

— Нина!—говорил он, стараясь казаться серьезным и строгим.—Ты поступаешь нечестно!..

— Скучно, папа...

— Ты ужасно грубишь!..

— Не мешайте мне, и я не буду—отвечала Нина.

— Я хожу на собрания—вы смотрите на меня испуганными глазами. Гуляю с рабочими—морщитесь... Приношу с собой революционные книги—качаете головой и доказываете, что это не мое дело... Где же мое дело?... Вы живете так, я хочу—иначе. То, что радует вас,—меня заставляет краснеть... А вы именно хотите заставить меня жить и чувствовать так, как живете и чувствуете сами вы. А я не могу. Ну, просто вот—точно мне...

Во время таких объяснений у Павла Михайлыча краснели виски, вздрагивал и удивленно вытупивался подбородок с пестрой щетиной.

— Так я и знал!.. — Отмахивался он обменными рублями. — С тобой положительно нельзя говорить... Заноза!..

По вечерам к ним заглядывал бухгалтер Синичкин, молодой, но уже поношенный человек с парой золотых зубов, приобретенных в «дешевое» время. Приходил он всегда в мягких воротничках с цветным галстуком, и в знакомом туалетном мыла и, усаживаясь в потертое кресло, улыбаясь говорил:

— Читали сегодня в газете?..

И злобно процедила Советские недостатки.

Нина терпеть не могла Синичкина. Все в нем отдавало какой-то слащавостью, дряблостью, чем то кукольным, вытесненным из магазинной витрины. Больше всего они с Павлом Михайлычем говорили о большевиках, о революции, о некультурности рабочих, взявших в свои руки государственную власть и доказывали, что Россия погибла.

В такие минуты Нина смотрела не на Синичкина, а на его вставленные зубы, украшающие малокровные десны, и раздраженно думала:

— Ну, что он срывает, а? Так бы вот и раздавила клопенка...

Однажды она не вытерпела и сказала ему:

— Семен Григорьевич! Вы — крестьянин?

— Да-е, крестьянский сын... Гордусь этим.

— Почему же вы ходите с тросточкой?..

— А с чем прикажете?..

— Возьмите винтовку!..

— И на красный фронт?

— Да, и на красный фронт!..

— Благодарю, покорно! — обиделся Синичкин. — Я против войны!..

— Трус — вы! — не выдержала Нина. — Любите только язык показывать из-за уха да переливать из пустого в порожнее... Какой вы мужичка? Сели в свою чернышницу и — сидите!..

III.

На службу Нина ходила по одной и той же улице, нагруженной солдатскими дукоками, сдвинутыми около советской кузницы. Тут же валялись сломанные повозки с ободранной варушиной, отгнившие колеса от душевых передков и самые душки с проржавленным горлом. В этот раз она шла медленно, прислушиваясь к молоткам на кузнечном дворе и, слышав резкие отлетающие звуки, старалась обдумать что-то важное и необходимое... Навстречу ей попались широкие извозничьи дроги. Раньше на них возили калачи да пивные бутылки в корзинках, а теперь на грязных замызганных твояках лежали раненые красноармейцы. Некоторые свернулись на бок, под окровавленными шинельками, некоторые, распластавшись, лежали визз липами, выставив забинтованные ноги. Один, совсем еще мальчик, при подняв голову, смотрел на проходящих тяжелым безжизненным взглядом. Возница — старик, свежив ноги в солдатских ботинках, сидел на наклес-

ке и с необыкновенным равнодушием помахивал вожами над головой у себя. Под колесами слабо курлилась дорожная пыль. В доме купца Шабаникова, где расположились пехотные части, молоточно билла гармоника в руках деревенского повойбранца, уравнившего над растапуными мехами востриженную голову. Тругаром шли женщины с корзинками, чиновники с пашками, раздражающе чьвокали коблукы по облизанному бульжнику.

Нина уловила на себе тусклый взгляд умирающего мальчика, привнесенного с фронта, и немое невысказанное страдание этого взгляда болезненно вошло в ее сердце... Через квартал ей встретилась уже брезентовый повозка с проржавшими худыми боками и оттуда тоже глянули на нее желтые изможденные лица с глубокими провалами глаз. Потом проехали тифозных в эпидемический госпиталь. На углу Почтовой и Саратовской мягко прокатилась рессорная архиерейская карета с облупившейся лакировкой. В закрытую стеклянную дверь из этого кузова смотрели такие же умирающие глаза, как и у мальчика на извозничьих дрогах!..

А в том учреждении, где служила Нина, было по старому. Горничная Дава в белом переднике разносила чай на большом подносе. Канцелярские «большевики» в зеленых френчах из казенного сукна, доставали из боковых карманов маленькие коробочки с мелко-вакрошенным сахаром и, прожывая куски принесенного хлеба, читали оперативную сводку.

— Ну, как наш фронт? Продвигается? — спрашивала один.

— Мария Степановна, вы вчера были в городском театре?.. — Восхищались другие.

— Новость, товарищи: с будущего месяца будут давать табак!.. — Сообщали третьи.

Нина чувствовала, что она тонет в липких засасывающих разговорах и в конце — концов утолет совершенно.

К ней подошел толстенький приглаженный секретарь с обтянутыми перами. Он хотел рассказать что-то смешное, но Нина резко остановила его:

— Извините, товарищ, мне некогда!..

Возвращаясь с занятий, она встретила старую гимназическую подругу Марию Нефедову с зеленым солдатским меником за плечами. Мария была неузнаваема: стрижены волосы под фуражкой, загорелые щеки, гимнастерка, подпоясанный ремнем, широкие шнуровары на ногах и маленький чайник, привязанный с боку, — все это казалось немножечко странным и непохожим на девушку.

— На фронт еду!.. — Сказала Мария.

— Добролюбо?

— Ну, конечно!..

— Я понимаю тебя! — просто и серьезно ответила Нина. — Мне тоже хочется отдать самому себя... И знаешь, как? Уйти и — раствориться, совершенно забыть о себе... Очень уж страдаешь много... Смотрю я вот на раненых и думаю: «за-

быть! Ни любви, ни теплого взгляда вокруг... Одно любопытство... А ведь нас, девушек, целая армия, и мы бы могли кое-что сделать... Если не каждая из нас способна идти под винтовкой, то каждая бы могла облегчить страдания другим...

— Что же тебя держит?—спросила Мария.

— Меня ничто не держит... Я хоть сейчас готова, только не знаю, как это устроить проще и скорее...

— Я помогу!—сказала Мария.—Это не так трудно. Приходи ко мне завтра часов в пять и мы потолкуем... А дня через три отправимся вместе на фронт... Согласна?..

Мария подала маленькую загрубевшую руку и, улыбаясь, по военному стукнула башмаками ботинок.

Дома мать начала было вычитывать Нине какое-то наставление, но она усмехнулась...

— Веренка!—сказала мать.

— Ну, и-прекрасно!.. Оставьте меня!..

За обедом выступил отец.

— Скажите, пожалуйста!—начал он.—Что это такое? Кого мы изображаем?..

Нина не выдержала и ушла из—за стола, не пообедав. А вечером начала вытаскивать белье из комода.

— Куда это?—удивилась мать.

— Я ухожу!—спокойно ответила Нина.

— Куда?

— Ухожу на фронт!..

— Сумашедшая!..

— Мама!—строго сказала Нина.—Если хотите, мы поговорим, но только без слез и упреков... А будете нервничать, я буду смеяться... Бросьте смотреть на меня как на какую-то девочку, которая должна ходить под вашей опекой. Я уже не маленькая, и то, что вы называете глупостью, для меня это—воздух, которым я дышу... Если вы во всей этой жизни видите только пугающее вас, то не мешайте мне думать и жить так, как хочу я сама... как велит мое сердце...

Мать ушла заплаканная. Через полчаса она вернулась вместе с Павлом Михайлычем. Он шел впереди грузной тяжелой походкой и в поблескивающих глазах у него, закрытых припухшими веками, светилась не то досада, не то удивление.

— В чем дело?—спросил он намеренно строго.

Нина улыбнулась, но не ответила.

Мать сказала:

— Спроси вот ее!..

Павел Михайлыч стоял в нерешительности: закричать-ли ему погромче, оттопыривая щеки, как делал бывало, когда Нина ходила в коротеньком платье или же пачать потихоньку, что бы растолковать дочери этот «безрасудный поступок». Перед ним уже не была маленькая Нинка, а стояла смелая непреклонная девушка с прямой морщинкой на лбу, и Павел Михайлыч немного ошел.

— Ты это серьезно?—спросил он пониженным голосом.

— Ну, конечно!—улыбнулась Нина.—Не все же шутить!..

— И, значит—на фронт?..

— Да, поближе к пулям!..

— Но ведь это... Безумие!..—Вспыхнул Павел Михайлыч, удивленно растопыривая руки.—Ехать на фронт... В такое время... Молодой девчушке... Совершенно не понимаю!..

— Старикам там нечего делать!..

— Нет, нет... Совершенно не понимаю!..

— А вот я понимаю!—сказала Нина.—И поеду туда, где особенно нужны мои руки!..

Через неделю они с Марией ехали на вокзал. Мария—в гимназетке с зеленой сумкой за плечом, а Нина—в белой косынке сестры милосердия.

А с к о.

М О Я В Е С Н А.

Весна—и солнечные мреды
Раецинул воздух молодой...
И тает призрачные меж
Меж небесами и землей...
Весна—и ветер дерек свежий
Ничей—всперекый, наш и мой...
И вином вьюга не заснежит
Нас, разгоревших зимой.
Весна—горна горящий скрежет
Взмахает музыкой хмельной...
И целнну и степь разрежет
Плуг раскаленный и стальной.
Зажглись миры и зори брезжат
Незнамой—новой красотой.
Весна, весна—как сладко грежу
Коммуной юной Мировой!

Дорогойченко.

КРАСНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Во чреве матери материн
Взыграл кроваво-алый плакат.
Разверзались вены и артерии,
И в схватках Мир затрещал.
Реком черно—красной яро
Течет по телу Мира кровь.
А вальсы рдяного пожара
Все полыхают—вновь и вновь.
Каленым трудовым ножом,
Мы вскрыем ревовую вену,
И тлену черному на смену
Кровь нашу—красную—возьмем.
Катись по кляпленным артериям
Десятым вадом, наша кровь!
Праматерь—вечная материя—
Роддает вечную Любовь.

Дорогойченко.

Сестры.

Выехали из Самары в пять часов утра. В такую холодную. Настроение убитое. Шла предомою одна навязчивая мысль: Приеду в Оренбург, а моя дорогая родная сестра расстреляна. Я безумно люблю свою сестру. Она интересная—живая,стройная и с большими голубыми глазами. И она любила меня больше, сильнее, чем я ее. Когда служила я сестрой милосердия, она приходила ко мне, приносила ежедневно завтраки и всегда себе отказывала, из—за меня нарядов даже не делала. Мне было жаль ее, убеждала.

— Сестра, сделай для себя что-нибудь. Она отвечала:— Не нужно, у меня есть платие и достаточно. Да и вообще она никогда не любила роскоши.

Я всю дорогу мечтала о встрече с ней.

Поездка была скверная. Казаки нападали, разбирали полатню. Но я мучилась, страдала не от тревоги нападения, а от мысли, что нет больше сестры.

Меня спрашивали попутчики: Что с вами? Я не отвечала. Я знаю, что люди помочь не могут, да и вообще надо на человека смотреть в деле, а не на словах. Приехала в Оренбург поздно. Остановилась. Переодевалась, а на утро поспешила искать. Спрашивала встречных:

— А не знаете ли, не видели ли вы моей сестры, не слышали ли что-нибудь?

Было бесполезно. Зашла к своим. Своих спала, скукожившись на печке в три погубила. Я рыдала.

— А где моя сестра?

Она посмотрела на меня черными большущими глазами и смолчала. Я опять: Где сестра? И ответ получила:— Сестра в Ташкенте.

Сразу стало ясно. Я сердцем повила—убита. Она вскопчила:— Верно отгадала, вот копии протокола.

Я не верю бумагам—протоколам, что такое протокол, когда тут живой человек, и так ясно все. Я чуть—чуть слушала рассказ своих. Вот что она рассказала...

— Сестра с фронта из Актыюбинска была послана в командировку в жем рабочих в Оренбург... Двадцатилетняя. В белом платие, шарфике, она весело говорила, что скоро придет, вернуться обязательно. Брала передачи, что давали каждый своей семье. Товарищи просили, если будут какие-нибудь новости, что бы писала их под складками белого платия, химическим карандашом, так как бумаг она с собой не брала никаких.

В штабе фронта кой что передавала—взяла подводу и поехала дальше. Ей указывали: смейри, не подведи. Она уехала, все такая же веселая. Захватили ее на Орской дороге. Отпустили. Приехали оприванить извошца. Он и выдал, сказав:

— Она от них, от красных. Служит у них сестрой милосердия и все знает.

Схватили опять ее. И вновь вопрос: где войско, и сколько? Отвечала:

— Господа офицера, у вас есть разведака, пошлите, и она узнает все и сообщит вам, а я для вас не разведака.

Офицеры смеялись.

— Какие у большевиков работницы, где они понабрали таких, ведь это не женщина, а что-то особенное. Вот не ожидали, что она из красной банды. А быть может, это лесная фея? Давайте проверим. Ну, раздевайся-ка, сейчас при нас—до пага!!

Сестра не вытерпела. Была она горяча:

— Я для вас не проститутка и пока жива не позволю издеваться над собой.

Офицеры хохотали: скажи, сколько войска, какая сила, а если не скажешь и будешь грубить, то ты погубишь.

Она горячилась: пусть погибну я одна, но не весь фронт. А мне все равно: я человек одинокий. А сестра узнает от кого-нибудь про мою смерть, — и погибла за свободу... Я сестра рабочего народа.

После этих слов она больше не акала. Ее не расстреляли, в изрубил полуу в куеки...

Для через два Наши заняли штаб белых и там было много протоколов товарищей, погибших от рук дунителей Советской России и там был протокол сестры о ней было сказано, что ее нельзя было пощадить, она была слишком груба и энергична, себя держала вызывающе, что больше всего их и взорвало...

Я зарыдала. Своих перебила:

— А еще революционерка, а плачешь!

И я встала и вышла...

Предо мною побегли мысли... Дорогая сестра, что я должна делать, осталась я ни с чем и ни с кем... Как я должна жить—ведь это уже не жизнь, а казнь... Лучше умереть. Но где же смерть!..

Долго не могла взять себя в руки, первичала. Родных у меня много, но я их не переваривала. Мы с ними разных взглядов. Они молятся о возврате старого, а для меня старое—это трупное болото...

Вдруг пришла в себя. Разве не для чего жить? Разве у меня нет сил ухватить казакка, или казачишку? Разве не сумею скитаться по горам и лесам?..

И продолжала работу сестрой милосердия. Конечно, наши гибнут и за ними тут теперь уход еще больше нужен.

Так и работала на фронте подряд два месяца, пока не свалилась от тифа. Когда выздоравливала выбралась из полосу действия, то узнала, что и жених мой взят на военную службу, назначен в

канцелярию. Встретил он меня, как раз перед отправкой и спрашивает: Одобряю ли его поступок— канцелярская работа омерзела и он записался добровольцем и едет сейчас на фронт?

Ах, как я была рада—главное, отомстит за поруганное мое святое святых.

Расседалова его и ответила: Да—я только об этом и думаю. Если и ты не вернешься, ты мой жених, так я подниму шинтовку и пойду! Помни, бой не на жизнь, а на смерть.

Н. С.

Весна человечества.

Она идет. Радостная, великая. Она поднимается из крови угнетенных. Она накаляется метью обездоленных. Пусть зима злится. Пусть пользуется мраком ночи: где еще рабство сильно, где еще обездоленный не загорелся метью. Это только затягивает кризис. Это только поднимает революционную волну. Разве весенний напор имеет преграды? Разве полая вода не разобьет мерзвущий лед? Напрасно буржуазная свора хочет удержать оттаившее барство. Напрасно пользуется ложью попов. Только лишняя кровь. Только беспощаднее месья.

Она мнит затянуть пришествие весны. Ее соблазняет парижская неудача.—Была ведь Коммуна. Была, но это только отгнеть. Обездоленные массы еще не накалились метью. Потому рабочий класс Франции горел, но вызвал только отгнеть.

Идет! Идет весна. Радостная, великая. Слышите раскаты? Это рушится подлый лед. Слыши-

те шум великий? это движение будущего. Идет! Идет весна. Кто может видеть ее лутезарность? Кто может обнять ее огромность? Вы моряки океана! Вы дети фабрик и заводов! Но настоящее— только подобие. Это капля, отражающая солнце. Весна человечества так огромна, так лутезарно-радостна: Даже вам, моряки, вам, рабочие, не охватит с ее. Ведь вы рождены в ночь подлой зимы. Ваши крылья имеют следы мороза. Ваш горящий метью взор видит ее сквозь грозные тучи. А потому радость ваша омрачается кровью. Но мужайтесь! Вы, только вы—мужи грозного разлива.

Идет! Идет весна. Радостная, великая. Сколько цветов! какая поражающая красота! Вы слышали музыку? Это ее рождение. Вы пережили бурность стихии? Это ее начало. Но когда люди расцветут Коммуной! Когда труженник опутит в себе легкость воздуха. Это наше утро. Это—наша весна. Это весна человечества.

П. Дальний.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ.

Ты поешь о простом, о бывалом,
Как любил—разлюбил тебя оп..
В сарафане пурпурово—алом
За горою горит небосклон..
По дороге капризной, вилучной
Ты с мотыгой идешь боенком..
Кудри песня зовучей и звучной
Развились—обнялись с ветерком.
Зацелует, возьмет—не упустит
Ветер вольный, любимен всех страп,
И тягучие шушальды грустит
Не удержат твой радостный шаг..

Кровью брызнули по полю знаки
От весенней багряной руки..
Как красивы кровавые маки!
Как веселы весной васильки!
Так поля хорошею пшеницу,
Разбросай по мезе лебеду!
Пой победную песню, девица,
Песню сочную Солнцу-Труду..
Невалядный с позиций вернется
Будет чаще и слаше любить..
Сердце девичье—стрелет изветствя,
Чтобы счастьем борца обогреть.

Дорогойченко.

**

Мы весну качаем в колыбели,
Ясноглазую весну.
Зов пастушеской свирели
Улетает в вышину,
И кисейные туманы
Свет застлал у весны,
На курганы, на поляны
Пролит кубок тишины.
И подвешник синий, влажный,
Зацветает средь полей.
И несется крик протяжный
Сизоперых журавлей.

Надежда Павлович.

КРАСНОАРМЕЕЦ.

I.

В деревне шум я суматоха—
 Призыв крестьянской бедноты.
 На фронте, видно, дело плохо,
 Не долго так и до беды!
 Не защитят красноармейцы,—
 Так рассуждают бедняки,—
 Придут сюда белогвардейцы,
 А это вам уж не с руки.
 Возьмут помещики - прохвосты
 На нашу шину плетку-кнуут,
 И землю-матку, очень просто,
 От нас навеки отберут.
 Так поговоривши недолго,
 Решили грудью отстоять,
 Свободу, землю и на Волгу
 Полки железные послать.
 Хоть приуныли сразу девки,
 Но смотрят парни молодцом.
 —Придем опять на посиделки.
 Когда покоячим с Колчаком!

II.

Потоп в деревне был известен.
 Как бедный труженик простой.
 В делах житейских прав и честен.—
 За то любим был беднотой.
 Сказал он сыну простодушно:
 — Хотя еще ты молод, брат,
 Но взять винтовку в руки нужно...
 Поедем завтра в Петроград.
 Смотри не балуйся, Ванюха,
 Служки крестьянской бедноте...
 Ну, полно рямить то, старуха,
 Знай, ныне времена не те.

III.

Ванюху ждет невеста-краса,
 Сердечко млеет и болит...
 — Ох... Я умру с тоски—печали,
 Ванюхе Катя говорит.
 — Уедешь ты, мой собол ясный,
 Тебя увижу-ли опять?
 Взгляд затуманился прекрасный,
 Давай Ванюху целовать.
 Целует Ваню, обнимает,
 Глаза, как угли, жгут огнем...
 — Прощай же, Катя... Уж светает...
 Ванюхе не забытья сном.
 Пришел... Отец поглянул строго,
 Слегка Ванюху отчитал.
 «Ну, запрятай-ка вороного».
 В дорогу собираться стал.
 Посхали... Печальным взглядом
 Катюша им смотрела вслед.
 Душа отравлена вся ядом,
 Грустит... Ванюша больше нет.

IV.

Ну, вот и Питер... Эко диво.

Что за дома, что за дворцы!
 По улицам, резвятся игриво,
 Бегит трамвай во все концы.
 Повсюду грохот, шум, движенье,
 Спешат и там и тут—кругом...
 Глядит Ванюха в удивленье,
 Смекая молодым умом.
 — Гляди, отец!.. Ну и домным...
 — В них раньше жили господа,
 Мы-ж за работой гули синиш,
 Прошло то время насажда,
 Рабочий люд за все напасти
 Злым кровопийцам отплатил.
 Земля в руках Советской власти,
 По барам новый строй не мил.
 Смотри, сынок, не дай в обиду
 Руси свободной воротам.
 Будь духом тверд не только с виду,
 Чтоб не вернуться вновь к цепям.
 Прощай, смотри же будь героем,
 Не как кулацкий дезертир!
 А победим, мы новый мир построим—
 Рабочий, наш крестьянский мир.

V.

Стал Ванюша в Красной Армии служить
 Да служить.
 Видно Ване буйно голову сложить,
 Положить.
 Не раздумывая долго,
 Эшелон
 Собирается на Волгу.
 Час решен.
 Сели в красные теплушки
 Да теплушки.
 На платформах стоят пушки—
 Не игрушки.
 Прикатили к Волге прямо в бой,
 Прямо в бой.
 Кричат белые «стойте».
 — Эй, стойте!
 Не стреляйте в нас... Сдаемся,
 Мы сдаемся.
 Больше с вами не деремся,
 Не деремся.
 В плен забрали их недолго
 Да, недолго.
 Значит наша будет, Волга,
 Наша Волга!

VI.

И гордится наш Потоп таким сынком,
 Да сынком.
 Что сражается с прохвостом Колчаком—
 С Колчаком.
 Знает он, что Ваня уж наверно победит,
 Победит.
 Строй Советский на Руси он утвердит,
 Утвердит.

Павел Арский.

В ГЛУШИ.

(Очерк).

70 верст штрафа.

Теплое апрельское утро. Дорога в гору. Едем молча. Лошаденка у Кузьмы Иваныча неважная: пнетя, спотыкается и часто пофыркивает. Иредва Кузьма Иваныч разговаривает с ней.

— Вот, ду-ря... Встает... Но!..

Его позывает еще что-то сказать. Он то заглядывает вперед, то оборачивается назад, обмеривает меня маленькими прищуренными глазами, утонувшими в бровях и морщинках и вертится на своем сиденье, словно на горячий подложенной сквородке. А когда отсезкаем версты на две от околицы, Кузьма Иваныч неожиданно ставит вопрос:

— Значит, из города вы?

— Да, из города...

— Та-ак...

На этом мы и кончаем пока. Но это не все. За щеной у Кузьмы Иваныча еще кое-что припрятано, только вытащить не решается. Смотрит мне на ноги, на руки и осторожно подходит к главному.

— Ну, как у вас там?... Дела-то...

— Где?

— Да в городе-то...

— В городе делов много...

Молчанье.

— Табак-то дают?..

Хитрый.

— А вы как тут?..—спрашиваю я.

— Живем!—отшучивается Кузьма Иваныч.

Перекатыемся с боку на бок...

— А что?

— Да оно бы ниче... ежели-бы... На старинку похоже...

— Как на старинку?..

— Очень просто... Мошество пошло.—В городе у Кузьмы Иваныча чувствуется обидка. Он рассказывает что-то про ситец, но и разговоры про ситец—не главное. Это просто-напросто-кривая дорожка, на которой ведет меня в самую тушу, чтобы показать наиболее место. Самое главное—в людях... Люди нехорошие есть. Развелись они по деревням и обидают крестьянский народ. Выдают себя за «коммунистов», за «большевиков» и за больших советских начальников, с которыми нельзя разговаривать... «Шуба»—то у них овеця, а в нутре-то волчок сидит... зубы показывает...

— Я вам случай один... хотите?—спрашивает Кузьма Иваныч.

Он снимает рукавицы с рук и кладет их рядом. Потом завертывает вожжи на нагласку, кашляет, обдумывает и, поворачиваясь ко мне, говорит...

— Ну, вот слушайте... Приезжают к нам двое и говорят: «Авжинеры-мы».—По каким делам?—Чугунку строить. Лошадей нам немедленно. Сейчас—к председателю. Тот за десятником, десятник—ко мне. «Вези, Кузьма, твой черед»... Ну, штоде? Мой, так мой... Я не отказываюсь... Запрет пару «ребер», подвязал хвосты, все честь-честью... Соломки набросал в сиденье, дерюжку разослал. Подсезаю. Здравсти, товарищи! «Здравсти».—Вам ехать?—«Нам».—До каких пор?—«До Лебяжьего»—А кто, говорю, вы такие?—«Мы, говорит, советские работники... Коммунисты»...—Та-ак, очень приятно... А бумажечка у вас имеется?—«Какая»?—А вот эта... мандат-то ваш... для права проезда... Поглядел на меня один из них глазастый эдакий да и говорит: «Мандат тебе»?.. Да, говорю, покажите... А он опять давит меня глазами... «Показал тебе? Ну, ладно, я тебе покажу... Лезь на козлы!»... А меня сумлеет берет. Кто их знает? Можка, они платить должны... с версты... Поглядел я тоже вот эдак на него и говорю: «Не больно шибко, товарищ, ниче—Свобода». А он-ко мне. «Што-о?.. Свобода?»... Председатель мпает мне: «Лезь, Кузьма, отвязься». Махнул я рукой... поехали. Вот дорожкой они и говорят между собой... «Нахал какой!». А я в ответ им: «Извините, товарищи, я не нахал. Я на правилах стою.—«Помалкивай»... А я опять напротив... Довез их до Лебяжьего, спрашиваю:—«Куда заезжать»?.. А этот глазастый-то: «Никуда не заезжать, до Черновки вези нас»... Эге, думаю, до Черновки... На 20 верст еще махнули... Здорово!... Заявляю: «До Черновки я вас не повезу... Мой черед до Лебяжьего»... «Нет, повезешь!» «Нет, не повезу»... «А мы заставим»—«Не имете права»...—«Ах, права тебе?».. А ты знашь, с кем разговаривашь? А? Знашь, что я могу оштрафовать тебе еще на 70 верст за твой разговоры?... Сабатажники!».. И начал дотрагивать до пистолета... Ну, думаю, трахнешь... Спасибо другому, который в очках был. Уговаривает его. Брось, слышь, Владимир, чего ты с другом связался?.. Обидно мне, а язык не высовываю... Божень!..

Кузьме Иванычу становится легче. Посматривая на меня, он улыбается, шевелит усами.

— Ну, как вот по вашему, правильно?..

И когда я подтверждаю, что это неправильно, он с горечью говорит:

— А ведь «коммунисты»... Товарищи...

— Разве это коммунисты?—спрашиваю я.

— А ктоже?

— Так, барахло... налепились на Советское дерево и сидят...

Кузьма Иваныч даже подпрыгивает от радости. И хотя мы едем степью, «подслушивать» некому, но он всетаки оледивается и попиляет голос до шопота.

— А ведь житья от них нет... От эдаких-то. Истинный Господь... Так и клюют, так и клюют нашего брата...

— Народно разжидают... Вот недавно еще случай был...

Случаев у Кузьмы Иваныча много. Наклад он их за пазуху, и показывает по одному.

Тут и про комиссара, дукающего расстрелями, и про бывшего урядника Павла Михальча, хватающего бедняков за бороды от имени Советской власти...

— Им што?—говорит Кузьма Иваныч, запрокидывая шалку.

— Языком-то они за Советску власть, а на делах-то в грязь втаптывают ее... Мы, ведь, видим... Ну, богачи и подхватывают.—«Вот вам и Советская власть!»—Станут подсовывать с разных сторон, а мы, как порох. Ткан нас горяченьким, сейчас и задымим... А все оттого: погляди к нам в деревню—увидишь... Крыша-то у нас новая, а под-крышей-то старое... Говорит нам:—«Держитесь, робята, за Советску власть—хорошая!»... Мы-то держимся... Видим, што она хорошая... Добра нам хочет... А придет какой-нибудь стрикунет да станет показывать «норов»—руки-то у нас и разжимаются... А скажешь эдак:—«Товарищ, неправильно. Советска власть не велит так делать»... Сейчас тебя в «контру».—А-а, ты говоришь, противник?... Ты, говоришь, народ мутишь?... И—пойдет... И—пойдет... Конtribuцию вот у нас собирали. С богатого—сотню, с бедного—две... Стал и говорить, меня и принижили... А все кулачки работают... Набились везде, как мухи в трещину и сидят...

Через минуту Кузьма Иваныч спрашивает:

— Притчу знаешь?

— Какую?

— А вот про пшеницу-то... Насеял человек пшеницы, а ночью пришел другой и насеял—не знай чего... Плевелов... Это больно подходит теперь... Как-же? Теперь всякая трава полезла наружу, а из-за нее и пшеницы не видать... У нас вот как бывает. Ежели слухнут посевы от бедеды, идут бабы на поле и дергают ее... Не мешай!

Кузьма Иваныч ждет моего ответа.

— Уже дергают!...—Говорю я.

— Дергают?

— Да, да... Начинают... Уже не одного комиссара выдержали, заглушающего советскую «пшеницу». Немало и председателей пошло вслед за ними...

— Это хорошо!...—возбуждается Кузьма Иваныч.—Давно бы надо... А то уж больно много нечисти развелось... Назвет себя какой-нибудь коммунистом и безобразничает... Вот у нас шкикулянт приехал из Саратова...

Все знам, што это за фрукта, наш он, сельский,—а поделаться ничего не можем... Ну, и орудоват... Набиват карман...

Кузьма Иваныч увлекается и рассказывает мне про саратовского «фрукта», а я думаю о советской «пшенице», посеянной в черноземных степях.

— Она взойдет...

— Плевелы не заглушат ее...

А чейка.

Поздно. Уже кричат петухи по деревне. Скоро будет утро, но мы с Кондратием засиделись. Беседуем. Я лежу на лавке в пазе у него, а он с распухнутым воротом у рубашки сидит за столом напротив, выставив босые ноги. В деревне у них, как он рассказывает, происходит какая-то путаница, а помочь разобраться некому. Ну, и мучаются... Музики теперь пошли любопытные, до всего допытываются, во все хотят пролезть «своими глазами», чтобы не ошибиться. Но на глазах у них все еще висит старая пеленка, закрывающая свет, и идут они по новой дороге ощупью, озираясь, ётановятся в сторону. Советскую власть называют «бедняцкой», больно хорошей, но огорчиваются:

— Рельев много набилось... Могуты нет!

И странно: где ни послушаешь, везде говорят одно:

— За Советскую власть мы горой... Хорошая она, ежели бы вот не эти... Разные-то...

И начинают рассказывать про разных «советских» нахлебников, маравших рабоче-крестьянскую власть на местах.

— И-и, милый человек!—говорит Кондратий удивительно простым задумчивым голосом.—Мы ли больно темные или не обьяняют нам по настоящему, как следоват,—ну, только лес какой-то у нас... Ничего не разберешь!.. Толкают, трясут, а укрепить на правильную точку некому... Ну, и плывем вразброд... А чейка вот у нас педально обьявляеть...

— А чейка?... Какая а чейка?..

— Вот и беда-то—никто не знает, какая. Приехал председатель из волости, созвал нас всех на собранью да и говорит: «В а чейку победте, товарищи!»...—«В какую?»—«Там узнать»...—Ну, народ, конечно, тороп. Переглядываются, жидкится... ?) А председатель-то у нас «контра»: Нацелился он в ту-пору на Алексея Безрукова да сразу и ошарашил его:

— Какой партиз?

— Я—беспартийный...

— А в а чейку жалани?

— Кто-знает... Как мир.

— А-а, ты за миром укрыться хочешь?..

Вызывает Бирюкова.

— А ты Бирюк... Согласен?

— Ежели согласна вся общства, и я согласен, а один не пойду...

— А ежели по закону ты должен идти?

— Воля ваша... Куда хочь девайте...

— Значит, вы не хотите? Ладно, так и запишем: жалающих нет!

Обладал всю нашу собранью, обозвал дураками, а на прощаньи поугалял: «Смотрите, борода, серьезное дело... Советская власть во какая!.. Ежели не пойдете в ачейку, здорово ответите, потомушта—закон... Приказано всех—под метелку». И што ты будешь делать! Загадал он нам задачу, заремел колокольчиками и занялся к хохлам на поселки... А у нас водополье началось... Тут ишо слухи пошли... Кто говорит—ачейка-то на барщину похода, в бумагу переписнут всех, ребятшек крестить не станут, а старики головами качают:—Дожили!..

Досадно слушать это нелепое горе глухих деревенских углов, не имеющих под руками даже газетных обрывков, но я начую смеяться...

— Кто у вас председателем-то?

— Известно-кто... Иван Митрич...

— Богатый?

— Ну, богатый... Бедняк!..—впадает Кондратий в намешивший тон.—Только 10 лошадей имеет, да восемь верблюдов, да овец с коровами голов полтораста... Рази это богатый?

— Ехали вы с вокзала-то?

— Ехал...

— Ну, вот... Видели за Петрунькиным врагом два хутора? Его это...

— И такого вы посадили в Совет?

— Кто сажал—сам сел...

Я не знаю Ивана Митрича, но, по рассказам Кондратия, представляю себе приземистого русо-бороного мужика в длинном городском пиджаке поверх солдатской рубашки. Человек он «себе на уме с горшочком». Когда появились чехи в Самаре, он все свои арендованные участки, овец, коров и лошадей с верблюдами возложил на милость Учредительного Собрания, а как только вернулась Советская власть, Иван Митрич заиграл в другую дудку... С ним случился «внутренний» передом. Препял он на волостное собрание делегатом от хуторян и начал палетать на богатеньких... Я, говорит, хочу с бедным народом судлас вести и двести пудов хлеба отдаю им бесплатно... Я, говорит, не хочу жидоморить... Понял и!.. Кинул он удочку с эдаким червячком, а беднота то и клюнула...

Теперь Иван Митрич «советский» работник, «коммунист». Разсказет по волости, поглаживая расчесанную бороду и грозно покрикивает на мужиков, заметая их целой деревней в «ачейку». А кто упряется из боязни, тому грозит указательным пальцем:

— Серьезное дело... Закон!..

И рисует этот закон таким страшным и карающим, что за одно слово против ачейки—тюрьма, за два слова—растрел... Там, где есть молодые грамотные солдаты, вернувшиеся с фронта, Иван Митрич следет помилче, разговаривает дружным языком, но в маленьком сельце Ворошилове, в котором мне пришлось заочевать у Кондратия, грамотных из бедноты совсем нет, книг и газет они

не видят, настоящих честных коммунистов не слышат, и Иван Митричева ачейка так сильно переспугала ворошиловских слепяков, что они начали представлять ее чем-то вроде невиданного зверя, с раздутым ртом...

А Ивану Митричу только того и хотелось, чтобы загнать мужиков. Ненавидя в душе Советскую власть, он всеми мерами старался какнибудь отвернуть от нее население, вызвать недовольство, вражду и показать рабоче-крестьянское правительство не защитником крестьян-бедняков, а какой-то петлей, которая душит и давит. Вместо того, что-бы разъяснить значение коммунистической ачейки в ее борьбе за революцию, кулак—председатель в каждой деревушке своей волости намеренно долбит одно и то же:

— Велено всех—под метелку...

Уже перед утрянком, собираясь прилечь, Кондратий говорит:

— Ему хорошо, Ивану-то Митричу... Теперь он хозяин над нами... Што хочет, то и делает... Хочет верхом, хочет на бедерке едет на нас.. А сказать—не могли...

Кажется, и конца не будет Кондратиевым жалобам. Целую ночь просидел он за столом, вытнув шею и целую ночь разматывал один и тот же клубок. В маленькой избушке с закупоренными окнами душно. Пахнет доханью, потом и сыростью брошенных в угол пеленок. На сером потопке лежит лохматая уродливая тень от Кондратиевой головы.

— Слушайка!—говорю я, поднимаюсь с лавки.—Есть у вас ачейка-то?

— Ачейка-то? Да нет...

— Ну, как же вы живете?

Кондратий смотрит на меня удивленно.

— Ведь вы сами виноваты... Была бы у вас ачейка, лучше бы было и не сидел бы в вашем Совете хуторянин—кулак... Не разводил бы вам турысы на колесах... Разве можно так?..

Я рассказываю, как необходимы ачейки по селам, как они работают в других местах, открывают школы, курсы, ведут организацию и следят за действиями сельских и волостных властей, чтобы они не безобразничали от имени рабоче-крестьянского правительства. Кондратий слушает. Положил бороду на руки и смотрит, почти не мигая. Широко открытые глаза полны вниманья.

— Да-а, во-он-што!—вздыхает он грудью.—А ведь мы думали—другое... Та-а-а... Это надо и нам попробовать, пра-а... А мы то боялись: што за ачейка?..

На прощаньи, провожая меня из избы, он говорит уверенно.

— Мы попробовам, ей—Богу... Яков у нас есть... Расскажу вот ему ваши слова и—попробувам... Главное дело—обяснить было некому... Вылезет откуда—нибудь эдакой, папавнат, спишет о дороге и—опять до свиданья... Ну, и бродим тут... Тыкамя носом об стенку...

Утром, выезжая за околицу, я оборачиваюсь и смотрю на маленькое седьмо Воронихово, слабо освещенное лучами утреннего солнца... Степная глушь! Девяносто верст от железной дороги, сто сорок—от города. И в этой глуши попрежнему хозяйствует Иван Митрич, прикрытый деревенской темпотою и, разсезая по волости, пугает не зрячих атейкой, возникновение которой больше всех боится сам...

Едем Прошкиным оврагом. В стороне зеленеют железные крыши хуторов.

— Чья это?—спрашиваю ямщика.

— Иван Митрича... Приседателя нашего...

Недурно приредся. Громадный господский амбар, лошади—на луговине, верблюда—на гумнах, жуют прошлогоднее сено. Под брезентом за ометами стоит паровая молотилка...

— Солнце, бризаны ярче и разгони в темноте укрытую нечисть!..

А с к о .

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

(Очерки)

I.

Вот она—серая, соломенная, расброшенная в колее кустарника. Зовут ее Ветлянкой, хотя вокруг ни одной ветлы; и только широкие—широкие снежные равнины да мутное небо, как огромное, тяжело опрокинутое блюдо.

В 1905 году она поделушала, что есть люди, живущие совсем недалеко, под такими же соломенными крышами и думают те же думы, безропотно скупа о нужде. Много оказалось их, живущих в Ивановках, Титовках, Погореловках. Нет числа!

Случилось это так странно и непонятно для Ветлянки. Взялся вихрь и взбудоражил деревни и села. Видят ветляницы, как почти каждую ночь падает небо заревом, слышат на заре тревожные набаты. Вести прошли о небывалом, о чем никогда Ветлянка не думала, что считала страшным грехом. Оказалось, что такие же проплетые, обутые в лапти Иваны, Петрухи и Сидоры, вооружившись вилами, топорами, бурной волной хлынули на барские усадьбы, увозили хлеб, мебель, сбрую, сельскохозяйческие орудия, а усадьбы жгли. И молва зажигла ветлянцев, собирала мужиков и баб на улицу, куда-то толкала...

Взоры всех устремлялись на усадьбу помещика Турусова, царствовавшего в трех верстах в красивом доме, в тени сада около тихого озера. Вечером там гремела музыка, парадные хозяева и гости гуляли по саду, пили, ели, катались на лодках, устранивали прогулки, а иногда показывались в Ветлянке и ушались у нога Константина. Он тоже бывал в усадьбе. И ветляницы частенько видели, как он, нарядившись в шольговую рясу, сытый, еще молодой, бережно усаживал полную и румяную, раздетую попадью в новенький тарантас и пугал шару вороних...

Помещик Турусов мужиков пул в барашки рог, бил не дубьем, а рублем. Почти вся Ветлянка работала на него, ешшая у него землю за чудовищную цену. Старика говорили, что в крепостное право не хуже жилось. У Помещика была своя линия: он не только один пул мужиков, а помогал богачам довершать дело. Он сеужал бо-

гачам деньги, хлопотал за них перед начальством и потирал руки, когда наделы мужиков приходили в руки богачей и росли у них, как грибы в навозе.

Особенно нажился из них Тихон «старшина». И вдруг прорвалась плотина. Как и погореловцы, мужики вооружились вилами, топорами, дубинами и хлынули к усадьбе. Замолкли песни в усадьбе. Помещик, продаваемый усменками и удвояльшам мужиков, усекал в город.

А Ветлянка, подхваченная волной, без расбора увозила, ломала, без плана опустошала усадьбу. Ночью горел барский дом, и Ветлянка была до утра освещена заревом. Сделав дело, мужики в упоении посмотривали на зарево и не знали, что делать дальше.

На следующий день понаехали казаки и началась баня: били плетью, палками, сбивали в кучи, ловили, давили. Перепорол все село. Сто мужиков во главе с Зориним и Попковым увезли в город. Осудили кого на год, на 3 и на 6 лет, а Зорина с Попковым на 10 лет в каторжные работы. Казаки проехали всю округу и везде метлой мчметали все несопокойное, бунтарское. И Ветлянка стала тифе воды ниже травы, в вьюнь опрокинулось блюдо и сдарило ее. Замолкла округа, точно вымерла. Только безысходная злоба залегла в души мужиков, душила она и не давала дышать.

Вдруг опять вихрь. Огромный, залитый волной всю Россию, какого еще невидал мир. В марте месяце Ветлянка пропала из села урядника. Уехали в темные щели пристава и земские начальники. Ветлянка почувствовала себя без грозного начальства и вьюнь взяла усадьбу Турусова. И думала, что все сделала. По настоящему грянул октябрь. В это время прибыли с каторги Зорин с Попковым, бывшие вожаки Ветлянки. Они явились на разоренные гнезда, в ветхие лачужки, измятые временем и нуждой, и уже дряхлым женам, и запятым и пугливым. Они увидели обнищавших товарищей и ту же темноту и пугливость.

На своем пелешке они увидели следы жадных Ветлянских, мироедов. Десять лет—это не шутка: мироеды скупили скотину, последние бо-

родцы земли, и жез и детей превратили в батраков.

Вот он у калитки и смотрит на пригорок, где на самом верху гордо стоят синие, как на подбор, под зелеными крышами дома мироедов. Вон один из них, с полсазидником, с резными узорчатыми воротами—это дом Тихона «старшиня». А зато он сам лениво выходит на дорогу. Совсем другое лицо. Голова опущена, идет неровной походкой—земля не несет.

— А, прошла масляница-то, злобно шепчет Зорин.—Но не так еще надо тебе. Мысли о раздоранном хозяйстве не покидают его. Синие дома и гуляющий мироед еще больше, сильнее затравляют мозг и сердце.

У ворот показался задумчивый Попков.

— Попков,—кричит его Зорин.

— Што...

— Отчего мы с тобой Ушли и к чему пришли? — К войне, брат... Увидишь меж собой воевать будем. Смотри вон на него...

Попков сказал неопределенно, но Зорин его понял и стиснул зубы. Круглый Тихон проходит мимо и смотрит на них. Левая нога тянет к ним, правая—прочь. Но повертывается, оправляется и подходит. Хитрый!

— С праздничком, товарищи!—говорит, синяя шапку.

— С тем же, если не шутишь,—отвечает Попков, прищурив левый глаз.

— Зачем шутишь?.. Свобода, значит, и праздник... Хе-хе-хе... И помолчав немного, издыхает.

— Зря вас тогда посадили... Ведь все были заодно.

Оба молчат. Зорин с досадой отвертывается, но Тихона это не смущает. В нем накинута злоба, но она не отталкивает его от них, а присасывается. Он нервно смеется и говорит загадками.

— Да, жизнь наша такая... Как сырое дерево... Пилить его... Таскаешь—таскаешь шкуру-то, а оно сырое—зажматся.

— Неужто и тебя зажала?—С усмешкой спрашивает Попков.

— Разве я не мужик? Сам вышел в люди... Отец бревна пилил... А теперь говорят: не мы... Везо земля на кровные девочки купили—отобрали... Право тоже!

Зорина передергивает снизу доверху. Он подсакивает к Тихону вплотную и яростно шепчет ему прямо в лицо:

— Скулишь... Обобрал наших жен... Выпил из детей кровь.

— Вы меня обобрали,—взрывается Тихон.— До нитки... Без закону... Вы! Вы!

— Эге, как ты запел?!.. Подсакивает уже Попков.

Несколько минут стояли они друг перед другом с жалкими неважелью глазами, колоды друг друга злыми упреками. Этой злобе, этой ненависти не было границ. В самый сильный момент, когда кровь в каждом крутилась и ударала в го-

лову, они готовы были вцепиться друг в друга, они уже не могли спокойно сказать своей правды и только кричали.

— Сволочь!

— Сам ты сволочь!

— У, паук!.. Раздаю!..—В бешенстве выкрикнул Зорин и задрожал. Холод пробежал по телу Тихона, обожгли глаза Зорина, как помоха. Он быстро оляндился по сторонам и торопливо, не оглядываясь, пошел на дорогу...

II.

Зимой 1918 года под напевы вьюги, запорошенная снегом Ветлянка совсем успокоилась, точно застыла, пошла морочной воды. Мужики начали тресться на печках, лениво перебирая обычную зимнюю работу: починку сбруи, тонганы около скотины целой семьей. Где нибудь при случайной встрече жаловались на власть, что она не присылает товаров. Им казалось, что сами они все сделали, остальное за них сделает кто-то—«там»...

— Что нам теперь?.. Есть совет, пусть и действует...

Но лека на печке, усаживаясь на завалиньи, старики жаловались. И в жалобах их было нечто дряхлое, больное.

— Не греет солнышко-то... Последние года живем. В это вьюле, безжизненное настроение Ветлянки стало мало по малу проникать новое, дуткое, безликое, ползущее из темных щелей. Никто сначала не понимал, откуда идет оно. Началось это с выступления Кузьмы Начетчика. Его в Ветлянке считали блаженным, смиренным и божьим человеком, а старухи почитали его за праведника. Кузьма на одной религиозной беседе, потрясая евангелием, объявил, что наступил конец мира.

— Живем мы, братья, оставшие года... В евангелии так сказано... Будет, грит, всемирная война... Антихрист придет... Потом Господь судить будет живых и мертвых... Вот и пришло.

Черным воровьем закаркали гадалки и прорицатели, зашамкали старухи, а начетчик все отыскивал новые и новые пророчества. Даже у молодых, мужиков замутили глаза. И втроеженные, точно слепцы невидящие, бродили они, ища правды...

Однажды ввечу Зорин с Попковым шли с экстренного собрания Совета. Совет под председательством Карасева, тайного врага Зорина, обсуждал вопрос о сборе чрезвычайного налога. Поведение Карасева, защищающего кулаков, разозлило обоих и между Карасевым и Зориним произошла схватка. Совет разошелся, ни чего не решив. Зорин был зол, как никогда. Вдруг он видит, кто-то крадется переулком.

— Стой! Кто это. Крикнул Зорин.

— Я—опешив, отвечает голос начетчика.

— Где был??

— А вам что?—Оправившись от испуга, уже дерзко ответил Кузьма.

— Пошков, дергай его крепче... Не скажешь?

— Что-ж ты, Николушка, меня, божьего человека, спрашиваешь?—вновь трусливо лепечет Кузьма.—На беседе был я... Про веру говорил.

— Притворяйся больше... Ну?

— Я—божий, смиренный человек... Мирскими делами не занимаюсь... Зорин дал знак Попкову, крепко стиснул руку Кузьмы и скомандовал:

— Не скажешь добром—в город отправляю...

— Отгусти, Николушка... Боясь я... робкий я человек... Николушка!..

Зорин умахнулся и тронул Пошкова за руку.

— Ну-ну?... А то сейчас же посылаю за милицией... Ниско-ниско поклонился Кузьма. И только тем скрыла хитрую улыбку, скользнувшую на лице его. И спрашивает притворно ласково:

— А не выдашь меня, Николушка?

Зорин и Пошков засмеялись.

— Нет, говори...

— У Тихона был я... К-хе-хе... ежели, говорит, придут белые—растреляю, служи мне. А я что—по евангелию говорю.

— Ага... Ему служил! В богатчи дезде!..

Из рассказа Кузьмы Зорин и Пошков ясно увидели теперь, кем пыскался провокация, кто так дерзко и упорно морочит Ветлянку. Поп и Тихон—вот кто ворочает клубом, от них и идет смута, мутная замороженная вода. И говорит Зорин строго.

— Ладно, иди, но только помни не сдобруешь, если *проболтаешься*...

В Марте месяце Ветлянка вдруг взбудоражилась. С фронта доходили нехорошие вести: Красная Армия под натиском белых отступает и отдаст один город за другим. Вести подкрашивались в Тихоновом клубе и оттуда расходились по улицам, как раскрашенные потаскушки.

О Колчаке сложили такой слух, что он «белый генерал», идет со своим войском против антихристовой печати,—идет быстро, разрушая антихристовы постройку. Молва добавляла, что войска у него видимо-невидимо, а впереди идут священники с крестами и евангелиями.

Кузьма куда-то исчез и как ни следили Зорин с Пошковым—Кузьма более виде не появлялся. Не было его и дома. Началось с уличных споров. Базар выдался многолюдным и многотоварным, какого Ветлянка не видела уже несколько месяцев. Все спекулянты, мешечники, торгаша медкой породы, которым наплевать на все, кроме барышей, понашли и понасхали—наводили илощали, и, постукивая рубцами от удовольствия и удачи, возвещали толпам, что Советской власти наступил конец.

— О!.. У генерала такая сила... Не прииди Бог!—дерзко и смело кричат они.—Может быть в вечеру и сюда явится белый отряд.

Ветлянские мужики, как омадеые бродили от лотка к лотку, от толпы к толпе. Для них все было непонятно, все страшно. Только Тихонова братия, наряженная в праздничные поддевки и начищенные сапоги, задрав кверху головы, ходила из конца в конец митингу направо и налево, открыто призывая к бунту.

Им помогали спекулянты. Почуявшие лакомый кусок наживы.

— Ну, теперь товарищи всего довольно будет,—говорят они покупателю.—Айда, бери все. Для праздника уступаю красненьскую... Только Николаевками, иначе не торгую.

— Керенки тоже хороши,—увернет покупатель.

— Повития не имеешь... Куда ты с Керенскими поедешь? ну? Вот я их не беру, что ты сделаешь?

Голосат, скулят, сплетничают, ахают бабы, крестятся на церковь, вздыхают о грехах. Слепые неверующие, куда их тянет лихая тина. Глаза их ищут отрочиков, горят ненавистью.

И кажется нет на свете злее Ветлянских баб.

Загадочные личности, одетые в полувоенный костюм, частью оборванные бродят по рядам. Они ничего не продают и ничего не покупают, но для блану прицениваются, как-бы случайно всасываются в толпу и выбрасывают таинственные словечки о могущественной армии, движущейся с востока. Потом молча, со скрытой и злой уменшкой, шли дальше, осторожно ващупывая смятенное настроение толпы.

Паширеники, табачники, старьевщики, укравяющиеся дизертиры, праздно шатающие лентяи—все были здесь, все они оглядками, жестами, словечками сели смуту. Мужики, поймав плечами, слушали, кричали, отходили прочь, вновь подходили, точно привороженные намыслились тоской и вевидными глазами смотрели в будущее, как в бездонную пропасть. Не радовало и прилежние белоо генерала с своей армией, которая несла им беду... Это они чувствовали.

Откуда-то вывернулся Кузьма Пуши, неожиданно окружил себя огромной толпой своих и приезжих, и, сдвинув толстые губы, начинает брызгать погромные слова:

— Братия... Скиталец я от врагов Христовых... Теперь пришел и объявился говорить правду... Скоро-скоро антихристову печать разломаем и царство небесное унаследуем... Изгоните врагов Христовых отсюда, сиречь каторжанков, бесов, умудряющих на церковь нашу... Провославные, к нам на помощь идут с крестом и евангелием.

— Все теснее и теснее обступает Кузьму толпа, дышит потом, разогретыми телами, и поираемая диким фанатизмом, выбрасывает злые слова и

призывы «бить». Здесь, в этой толпе, как волки, шныряли Тихоновы слуги и дьявольски нагло наушали.

Удар колокола потряс толпу неистовым ревом. Кузьма заесучил руками и хрипло кричал:

— Отрочники, весь колокол разбили богохульными делами. Братцы!.. Не дадим сквернить глаз Господень и разуршим собрание еретиков.

— Выслать отсюда каторжанков! — ревет голос из толпы.

— Выслать?.. Зачем выслать, к стенке их..

— Наши недалеко, — кричит в задних рядах Тихов, — Лебяжье бунтует: вес Совет сменили... Но всему уезду нальба... Братцы, мы что смотрим, не стоим за мир крестьянский?

Мимо проходят двое вооруженных. Они бросают косые взгляды на толпу и направляются к школе. Толпа подозрительно оглядывает вооруженных.

— Кто это? — спрашивают сзади.

— Видишь — не здешние... Чего им надо?

Кое кто, трусливо прячась за спины других, выходит из толпы и усюми проходами между лавок бездельно исчезает.

— Ей Богу не сирота, — шепчутся из толпы, — это красные... Разведчики...

— Расходись братцы, — шепчет кто-то.

Неизвестные вооруженные вбили в толпу холодный клин. Сначала она понизила топ, потом стала падать и через две-три минуты вместо бездельного скопища осталась пригнотанная земля да ворох спортухи от семячек.

Кузьма и Тихов совсем исчезли с базара. Спихулянты, озираясь по сторонам и прикусив языки, спешили поскорее сбыть товары. Пустел базар, а колокол бил тревогу, полошил перепуганное село и бежал далеко за кустарники!

III.

В школу явилось совсем немного. И те, что были тут, жалко по улам, осторожно шептались, сдавленные страхом перед неведомым будущим, незнающие, какая сила обворожила, перемудила и перепугала их мысль и чувство. Они уже слышали, что в соседних селах идут кровавые расправы, кое-кто уже слышал выстрелы, и эти тревожные вести давили, мучили и отдавались в душе тоской.

Вот в переднем углу понуро стоит высокий старик.

— Шабаи... Никто за нас не встанет, — говорит он.

— Кто-ж за вас, ежели не сами?.. — удивляется и машет руками.

— Я говорю: шабаи — и больше ничего.

— А я говорю, самим надо встать...

— Как Тихов говорит, да?

— Какой Тихов... Я бы его Тихона-то... Эх, дураки же мы... Вараны...

— А ты вот не баран — слышал, какая орда из Сибири прет.

— А ты знаешь, сколько в России нас мужиков?.. Эта сволочь сдробу упала бы.

Образ мужицкой силы, разселной по селам и деревням России, смутно рисовался в воображении крестьян.

Они чувствовали себя отколотыми от этой силы, не знающими точно ее мысли, и пути. Безликой, непонятной до жутки, вставала перед ними армия во главе с «белым генералом», то пугала, то вызвала жуткое любопытство.

Зорин с Попковым сидели за столом, под обстрелом десятка слепо-ненавидящих глаз. Председатель Совета Карасев вел себя странно, неохотно разговаривал с Зориным, избегал с ним встречаться взглядами и как бы намеренно громко и резко отвечал на его вопросы. Только теперь выяв показали они друг другу враждебность. Поведение Карасева напомнило Зорину прежние подозрения, когда он открыто встал против выборов в Совет Карасева, за которого ратовала Тихонова компания и невидящая, безтолковая часть середняков и бедноты.

— Тихов и Кузьма призывают к бунту. Почему ты не сообщил о них в город, — гневно спрашивает Зорин. Карасев отворачивается и сердито отмахивается руками, как от навесной мухи. Кричат губы. Молчит.

— Измена, — шепчет Попков. Карасев, как ужаленный, вскакивает, дрожит, но так-же быстро садится на место и неистово трет пальцем лист белой бумаги.

— Я немедленно поеду в город и расскажу о твоих делах, — наступает Зорин, подаваясь нахлынувшему раздражению.

— Что ты меня учишь?.. Или не знаю чего хочешь общество? — говорит Карасев! Скажи пожалуйста, если придут белые, куда мы?.. Не все такие шатуны, как ты с Попковым.

— Та-ак... Ты тоже туда... Ну, погоди!..

— Увидим... Товарищи — спешит он отделяться от Зорина и призывает собрание к порядку.

Но нежданно-негаданно к столу подходят двое вооруженных, — те самые, что так переполошили базарную толпу. Они сообщили, что в Погорелове бунт: уже весь Совет арестован, и орда бунтовщиков направляется к Ветлянке, чтобы и здесь свергнуть Советскую власть. Сообщают об этом председателю. Карасев, слушая с прищуренным глазом, холодно замечает: —

— Обществу об этом не надо говорить, а то испугается.

— Нет надо, — решительно заявляет Зорин.

— Я — председатель и говорю не надо...

— Товарищ, — встает Погореловец — как же не сообщать?.. Али хотите отдать бунтовщикам.

— Бунтовщикам!.. Эхидно передразнивает Карасев, — знаю я, кто там бунтует. Мужики-же, а не кто иной...

Карасев вновь обращается к собранию и говорит туманно о крестьянских делах: о музлах,

которые всех мужиков и богатых и бедных делают равными. Потом подумав немного, добавляет искользы:

— Товарищи, в Погореловке что-то не покойно... Мужики меж собой подрались. Мы не должны этого допускать, потому что мы как один.

— Дай мне слово,—кричит Зорин. Председатель мнется, собрание начинает шуметь, слышатся голоса, то за Карасева, то за Зорина, но в этом шуме нельзя было разобрать, чего хотят они, разбившиеся на кучки, распыленные жуткой вестью.

Карасев выжидает. Все больше и больше шумит толпа, но резко делится на две стороны, и скрытая наперед неважность друг к другу, вновь выливается наружу. Вот забыт, и «белый генерал», и музты, объединяющие крестьянство, и огромным призраком встала перед ними только рознь.

— Глоты, опять бариншу хотите,—кричит левая сторона—

— Лентяй!! Взяли власть-то, только их и слушай.—Отвечает правая.

— А вы почувяли?..

— Не все вам,—довольно!

Карасев безполезно стучал по столу линейкой: его уже не слушали. Но он и сам не смущался этим, а улыбка на его лице говорила, что он чем то очень доволен.

Но вот просит слова Погореловец.

— Я—сторонний, товарищи, выслушайте меня!

— Тише!—Раздается вокруг. Немного стихает.

— Настоящая у вас Николаевская еходка. Упрекает Погореловец.—Я из Погореловки, у вас там бунт... Отнимают от крестьян землю, идут к вам...

— А кто их просил? раздается слева.

— Тише!—шипят справа. Но толпа еще сильнее загудела. В это время подбегает к Зорину запахнувшийся паренёк и что-то шепчет ему на ухо. Зорин бледнеет и озирается по сторонам. В тот же момент в школу врывается тревожный набат.

— Идут, окружают... Раздаются голоса. Собрание волнуется, бросаясь к осям. Часть уже хлынула к двери направо и дана друг друга. Незаметно исчез Карасев, а когда Зорин увидел, что с ним исчезла и компания Тихона он повял, что на глазах всех произошла измена. На улицах была паника: взад и вперед бежали мужики, бабы, школу окружали вооруженные винтовками, вилами, топорами и просто дубинами.

— Что делать?—Спрашивает Зорин оставшиеся небольшую кучку своих. Его окружают самые верные, стойкие товарищи, но их было так мало и все они были безоружные.

— Здаваться надо,—говорит один. Зорин сверкает на него глазами.

— Никогда!—Говорит он, сжимая кулаки.

Он вдруг замечает другой выход из школы,

— За мной товарищи!—завет он и бросается к двери, выходящей на двор, которую в смятинии не замечали раньше. На дворе Погореловцы осмотрели винтовки и кивнули головами на стиснутый угол крыльца, по которому можно было легко перебраться на зады.

— Лесь, товарищи,—командуют Погореловцы. Зорин, Пошков и остальные, подсаживая друг друга, полезли на отлогую крышу и поползли по ней.

— Вон они, вон на крыше!—уже раздаются злобно—радостные крики. Выстрелы... Один... Другой. Им отвечают Погореловцы из своих винтовок.

— Уах-даинь-грохают выстрелы, звенит стекла. Гудит, свистит толпа, забегает в переулок, что-бы поймать осажденных. Но меткие пули Погореловцев отбрасывают толпу. Еще минута и Зорин с товарищами уже бежал огородами в открытое поле.

Погореловцы все время отстреливались. И когда белгцы очутились в открытом поле, подернутом сумерками, они заметили, что среди них не было Пошкова. С мстью, наполнившей сердца, они отправились в Чалкино, что бы там присоединиться к карательному отряду, который должен был там быть с часу на час.

IV.

Чалкинекие крестьяне еще до прихода карательного отряда вооружились кто чем мог и на многолюдном собрании решили не допускать до села мятежников. Ячейка коммунистов вся была на ногах, разведчики скакали во все стороны. Все проходы села были замещены часовыми, в город был отправлен гонец с тревожным доносением. В эту ночь со всех концов тянулись в Чалкино беженцы, среди которых были женщины и дети, бежавшие от расправы мятежников.

В полночь прибыл карательный отряд; и ветляекие белгцы тотчас же явились в его штаб.

Зорин радовался, как мальчик игрушке, когда в руках его оказалась винтовка. Он уже не колебался: дух Чалкинских крестьян и спокойное, уверенное настроение красноармейцев наполнили его дерекой отвагой. Жаль было Пошкова и хотелось за него отомстить.

К утру явилась разведка, посланная с вечера. Она привела новую партию беженцев, которые дрожали от страха и холода.

— Не хлытьте, на зоре пощипдем их,—утешают их красноармейцы с легкой усешкой. Другие резво упрекают:

— Самы виноваты, не вешали бы головы.

— Кабы зять, — мрачно говорит рослый мужик. И странно было смотреть на великана, слушать его разбитый голос и видеть пашутанные глаза. Вот долго—долго смотрит на него браваый красноармеец и говорит, качая головой:

— Введь вот какой, ты, товарищ... Медведя осидишь, а люди все на пенку прятался... И зачем тебе только Бог силу дал?—Красноармейцы

смеются, вся сборная настроивается на веселый лад. И глядя на бодрые лица бойцов, беженцам кажется, что с ними совсем не страшно и вера в победу ободряет их. Они так же, как и Ветлянца, берут винтовки и присоединяются к отряду.

Еще не занималась заря, как отряд выгнулся из Чалкина и отправился к Ветлянке.

Поле безмолвно, точно мертвое тело лежит неподвижно, а сверху смотрят, мигают звезды.

Зорин идет в первых рядах и крепко сжимает винтовку пальцами, стискивает зубы. Ему хорошо идти с вооруженными, у которых одна мысль—разбить мятежников. Чем ближе к Ветлянке, тем сильнее бьется его затравленное сердце. Он представляет, как встретится с Тихоном, как безжалостно он пунтит ему в лоб пулю. Сейчас он жесток, беспощаден и только за одного Понкова может выгнать все село, снести все до тла, что бы ни что не напоминало и не бередило старых ран.

Отряд движется быстро. Вперед пулеметчики, сзади гремят телеги. Говор... Шутки... Смех, точно идут на праздник.

Вот зачернело вперед—это Ветлянка.

— Стой,—передается по цепи.

Несколько человек отделилось и утонуло в темпете.

Через несколько минут маленькая колокольня задрожала от набата и круглые, отчетливые звуки катились над темными крышами.

В Ветлянке тревога и крики...

— Вперед—звучит команда.

— Ба-ах!! У-у! ба-ах!!—уже гремит со всех сторон. Мятежники засели в амбары.

Нажим отряда был стремителем, как полая вода.

Несколько минут воздух был насыщен уханьем и трескотней, криками и топотом. Все смешалось с набатом и лаем перепуганных собак.

Амбары окружены. Тени скользят, двигутся и прячутся за дверями, вымывают в казачки. Красноармейцы, привычные и легкие, наступают мятежников, ловят их, не желая убивать.

Вот выстрелов уже меньше. Совсем стихло. Уже слышны разговоры между красноармейцами и сдавшимися мятежниками.

— Эх, вы дуриш, дуриш!—Кричит в одном месте молодой голос—Против кого вы шли?

— Бес смутил, братушки,—жалобно отвечает другой голос.

— Бес-ли?

— Весь мир смутился. Идете говорят против антихристовой печати... За миром и я пошел..

Зорин искал глазами Тихона. В голове у него только одно слово: Тихон, Тихон, Тихон... Вся злоба и ненависть вливались в это слово, и оно казалось таким огромным и тяжелым.

Вот катится, падает, вскакивает кто-то.

«Тихон»—мелькает в голове Зорина. Он устремляется за мятежником, прицеливается и стреляет. Тот спотыкается и падает. Зорин хочет ударить его прикладом, но отбески зарп очерчивают знакомое лицо, но не Тихоного лицо.

— Кто-ты? спрашивает Зорин, опуская винтовку.

— Кандратий я... Кашурин. И раненый Кандратий начинает жаловаться на «мир» и на то, что у него несчастная жена и «дети».

— Эх, Кандратий, Кандратий!,—улавшив голосом говорит Зорин.

— Ой! ой!—стонет Кандратий;—обезать хотел, а «мир» пригрел. Убьем, говорит, жену и имущество реквизируем... Опозорил я седую голову... Опозорил!..

Красноармейцы сблизил в кучки и устало потягиваясь любятися восходящим солнцем. Вот провели партию пленных и сунули их в подвал, откуда вывели арестованных мятежников,—бледных и замученных. Несколько мужиков вылезло из домов и робко приближались к отдыхающим красноармейцам. Бабы долго не решались вылезнуть на улицу, но потом и они осмелились и, видя добродушные улыбки, совсем стяхнули с себя страх.

— Товарищи, айдати почайничить,—зывают они красноармейцев.

Взошло солнце. Яркой глубиной закурилась Ветлянка. Площадь около церкви загроужена народом.

Одна почь ужасов, творимых мятежниками, сделала из Ветлянки боевой центр. Беднота теперь поняла, какие «мужики» или «освобождать», их от «жестокостей» советской власти. И «белый генерал» с белой ордой стоял перед ними черным призраком, уясной бедой.

Выступающий с речью политический комиссар то и дело прерывается толпой. Не терпитс ей.

— Долой кулаков!—гремит голоса.

— Да здравствуют советы!

— Ура-а! Ура-а!..

— Товарищи,—призывает комиссар,—еще немного... И мы займемся мирным трудом. Снесем банда Кочака и всех предателей... Устроим на земле рай.

— Ура-а!—гремела тысячная толпа.

— Все как один... Ура-а!..

— И пусть кулаки не являются больше. Да здравствует рабоче-крестьянская власть!

В полдень отряд, усиленный вооруженными крестьянами, направился в Погорелово.

П. Яровой.

Первый коммунист.

(Биографическая повесть из жизни французской революции).

(Окончание).

III-ья глава.

Тайна собственности.

Именем законов и учреждений
Прикрывается ужас, разбой.
Добродетель клеветится клячкой пре-
ступления,
А грабеж называется необходимостью*
«Песня ровниск».

Прошло семь лет. Весенний день склонялся к вечеру.

На главной улице г. Амена, в Никардин, лежащей на с. в. Франции по реке Сомме, среди разных правительственных учреждений, находился и комисариат по землеустройству. Главной целью этого учреждения являлась охрана повинностей, лежавших на крестьянах по отношению к помещикам, и наблюдение за точным их выполнением.

Уже давно все должностные лица вернулись с своих занятий и мирно отдыхали в семье, только новый комиссар все еще сидел в канцелярии, углубленный в разные акты и бумаги. Это Франсуа Бабеф. Он уже давно оставил службу у Бракмона. Как человек хорошо знающий земельные дела, он получил место комиссара по землеустройству. Покидая Бракмона, Франсуа женился на Викторини, к которой давно испытывал горячее чувство любви.

На новом месте работы предстояло Бабефу много. Дела были запущены старыми комиссарами, уволенными в отставку. В городе очень интересовались новым комиссаром, как интересуются в провинциальном городе всяким новым лицом. Но знали о нем еще очень мало, несмотря на все старание разных кумушек; знали только, что нового комиссара зовут Франсуа, фамилия Бабеф, что родом он из Сен-Контена, но к этим немногим данным неутомимые интриги, представительницы прекрасного пола, путем долгих распросов добыли и некоторые другие.

Говорили, что комиссар происходит из очень бедной семьи и с 16-ти лет должен был доставать себе кусок хлеба, что он был пинцем, приказчиком и женат на горничной. Разезкаявая все это, женщины вздыхали и говорили: Бедный... Бедный! не сладко он провел свою юность.

Время шло. Уже часы показывали семь, уже жена Бабефа Викторини давно с беспокойством поглядывала на потерявшие свой вкус кушанья от долгого стояния в печи, особенно поглядывала головой, а новый комиссар и не думал покидать своей канцелярии.

Окончив текуция дела, он подошел к шкафу и вынул папки с надписью: «Общинные угодья, пустоши и пастбища». Еще служа у Бракмона,

Бабеф видел, как помещики, при помощи зависевших от них судей, отбирали у крестьян эти земли; теперь ему захотелось просмотреть дела не одного местечка, а целой области. Чем больше углублялся в старинные документы, тем больше и больше они захватывали его. Перед ним ясно, во всей своей воюте, вставала картина грабежа, который производило дворянство у крестьян. Какое огромное количество земли было отобрано самым бесчестным образом: и этот грабеж казался не знал предела ни в своих стремлениях, ни во времени. Заволованный чтением документов, Бабеф уже не мог оторваться от работы. Ему страстно хотелось проникнуть во все тайны, которые скрывало в себе это мрачное низенькое здание, напоминавшее своей архитектурой средневековую часовню.

В старой Франции, как мог подметить Бабеф, читая документы, поземельная собственность сохранила черты, напоминавшие первоначальный коммунизм: это право собирания колосев после жатвы, право выноса, общинные земли. И вот целыми годами борется земледельцы против этих прав.

Бедные крестьяне цеплялись за право сбора колосев после жатвы, так как они получали некоторое количество хлеба и соломы, которой покрывали свои жалкие лагуны. Точно также право выноса давало им возможность прокармливать в течение части года коров и овец. Крестьяне же кулаки очень сердились на эти права бедняков. И королевская власть, чтобы угодить богачам, издала закон, по которому земельные собственники могут загораживать свои участки; кроме того очень часто владельцы вызывали обезьяние команды из кавалерии для охраны земель. Виноные подвизались тюремному заключению. Дворянство и духовенства относились еще безопаснее к нарушениям этих прав: алчность дворян и монахов отняла у крестьян дары природы, которыми они пользовались в старое время совершенно свободно.

Любопытное дело отыскал Бабеф в старых документах об общинных землях. В округе Сен-Контена возникло дело о разделе общинных земель. Гольцуба, не имевшая земли, но обладавшая небольшим количеством скота, была против раздела, так как она не могла прокормить ни овец ни коров. Богатые крестьяне желали раздела и требовали, чтобы им был представлен участок, соответствующий тому количеству скота, который пасся на общинных пастбищах. Согласно закону $\frac{1}{3}$ угодий поступала при этом в собственность помещика, если остальная часть была достаточна

для удовлетворения нуждающихся и если передача трети земли помещику проходила бесплатно. Помещик Вилье подобрал крестьян на раздел, возбуждая в богатых користолобах: раздел состоялся с полным нарушением закона: помещик взял деньги с крестьян. И подобный случай был не единственным. Некоторые помещики, чтобы обойти закон, вносили себе знатоков земельных дел или поручали комиссарам, составившим поземельные росписи, производить насильственные разделы и брали себе третью часть, хотя за землю были внесены крестьянами деньги. В иных случаях они добывали крестьянам, что раздел послужит на пользу их хозяйству, но чаще всего помещики заставляли крестьян предъявлять документы на владение обширной землей. Очень часто документы, удостоверяющие более чем тысячелетнее владение, были затеряны во время войны и смут, и обширные земли переходили к дворянам за отсутствием доказательств у крестьян.

Уже совсем смеркалось, когда Бабеф окончил чтение. Он запер шкаф, оделся и направился было уже к выходу, но в это время дверь открылась, и показалась высокая, представительная фигура богато одетого лакея. Он почитительно поклонился и подал Франсуа записку, на которой было написано: «Маркиз де Тулуз просит г. комиссара показать немедленно к нему по очень важному делу».

Бабеф знал хорошо, какое дело было у Маркиза: он хотел оттянуть у крестьян несколько десятин земли, ссылаясь на давность владения. Маркиз очень гордился своей родовитостью и богатством и потому позволял себе нередко безцеремонные выходки с людьми, смотря на них сверху вниз. Кому пришлось бы в голову звать должностное лицо к себе на дом ночью, когда канцелярия открыта достаточное количество времени.

— Передайте г. маркизу, что я всегда к его услугам в часы приема.

Теперь я устал, да и время позднее.—

Лакей поклонился и вышел.

Бабефу, как комиссару по землеустройству, очень часто приходилось сталкиваться со знатоком и всегда знатные люди оскорбляли Франсуа, как маленького чиновника.

Бабеф шел задумчивым домой, как бы медленно перерабатывая в голове впечатления, полученные за день.

— Я должен по долгу службы охранять права дворян, но я чувствую, что окупившись в страшно тайны грабёжек, совершенных сильными мира, и стану злейшим врагом этих прав,—мелькнуло у него в голове. Его тонкие, острые черты лица, дышавшие всегда энергией, стали еще более решительными.

Большинство жителей уже спало; только кое-где в окнах меркали огни.

— А я заждаюсь тебя—встретила Франсуа жена.

Сидя за ужином, Бабеф все подробно разсказал жене.

— Чем больше я знакоюсь с законами—сказал он-тем больше делаюсь другом угнетенных.

Окончив ужин, Франсуа пошел в свою библиотеку, а Викторина, собрав посуду со стола, легла спать.

Почти до рассвета в рабочей комнате комиссара светился, как маяк в ночной тьме, огонек.

IV-я глава.

Желанная буря.

Французская революция—только предвестница революции еще большей, еще более величественной революции, которая будет последней.
«Манифест Гювиза»—Сильвея Маргелла.

Весеннее апрельское солнце радостно смотрит в решетчатые окна парижской тюрьмы Плесси. В одной из ее камер заключен Франсуа Бабеф. Желанная буря разразилась во Франции. Буржуазия свергла королевскую власть. Бабеф принял горячее участие в революционном движении и не раз ему приходилось сидеть в тюрьме. В первый раз он был арестован за то, что в своей газете упрекал учредительное собрание за отсутствие у него заботы о народе. Марат—грозный враг богатей и верный друг народа—заступился за Бабефа и он был освобожден. Затем Бабеф был назначен управлять областью реки Соммы. Он раскрыл заговор приверженцев королевской власти против свободы и навлек на себя страшную злобу черных сил. Враги возбудили против него обвинения, будто он подменил имена в одном из актов продажи; Франсуа опять попал в тюрьму, пока суд не оправдал его.

И вот Бабеф снова в тюрьме. На этот раз он заключен за то, что в своей газете нападал на буржуазию, которая все больше и больше укреплялась. В камере, где сидел Бабеф, находилось еще двое: итальянец Буанаротти и Дартэ.

Дни и ночи коротали они в беседах о том, как сделать народ счастливым. Действительно ли приятнее болтливых адвокатов, т. е. лиц, изучивших всякие законы представляющих правительство Франции, лучше одного короля—вот над чем задумывался Бабеф.

— Посмотрите, говорил Бабеф, что делается теперь. В закиточных кварталах царят игры, танцы и самые безумные удовольствия: танцуют в церквях и на кладбищах, люди прокучивают все свое состояние, другие бросаются в игру, ростовщичество, спекуляцию,—в предместных же, где живет рабочий люд, царит страшная нужда.

— Как же быть?—спросил Дартэ.

— Нужно создать в жизни хорошие учреждения, которые обезличивали бы всеобщее счастье, равное наслаждение для всех членов общества,—сказал Бабеф.

— Но для этого необходимо установить полное равенство: не является-ли—Бабеф, это мечтою?—возразил в раздумье Буанаротти.

— Это вполне осуществимо; нужно ввести общественное управление, уничтожить частную собственность, приставить каждого человека к той деятельности, в которой он вырос, обязать его доставлять продукты работы в общественные магазины, создать продовольственный комитет, который вел бы списки всех членов и вещей, распределял-бы их с полным равенством и доставлял их каждому гражданину на дом.

— Действительно, — сказал Дарта — ведь такое управление введено по отношению к нашим 17-ти армиям.

— Это будет прекрасно, — восторженно заметил Буанаротти.

— И тогда — сказал Бабеф — исчезнут межи на полях, загороди, ограды, замки на дверях, раздоры, воровство и убийство, все преступления, суды, тюрьмы, штрафы — отчаяние, порождающее все эти бедствия, зависть, соревнование, жадность, высокомерие обман, лозь, одним словом: все пороки. Более того (и этот пункт есть, без сомнения, самый главный) исчезнет гложущий червь всеобщего, постоянно мучающего нас безпокойства о нашей судьбе на следующий день, месяц, год, о нашей старости, о наших детях и внуках.

— Но как достичь всего этого? — спросил Буанаротти.

— Необходимо совершить переворот в государстве. Я уже завязал сношения с некоторыми людьми, стоящими близко к войскам, — сказал Бабеф.

— Народ пойдет за нами: он доказал это 14-го Июля и при восстании Парижских предместьев, заметил Дарта.

Было уже поздно. Друзья Бабефа приехали на койку и стали засыпать, пожелав друг другу спокойной ночи. А Франсуа сидел погруженный в свои думы. Яркие картины из революции вставали перед ним.

Вот день 14-го июля, когда вставший народ разрушил крепость Бастилию, куда французские короли заточали всех, кого только хотели. Франсуа сам был в числе осаждавших.

Знойно светит солнце с безоблачного неба, но улицам Парижа слытся крик: — к Бастилии! к Бастилии! Тысячи голосов повторяют этот возглас. Вооруженные толпы направляются к крепости. Тут были средние и мелкие буржуа, судейские писцы, рабочие, голытьба в своих грязных лохмотьях. Они заряжали ружья и ртом, полным коноhti, в дым от пороха, кричали: «Умрем!» Особенно отличались плотники с топорами в руках: они были инженерами революции. Толпа под предводительством Эли, офицера нехотого полка, гренадера Арне и прапорщика Гюллена передает через рвы; плотники разрубают цепи под емного моста, мост падает. Грохочут тяжелые крепостные пушки, но толпа врывается в крепость. Двадцатилетний мальчик, сын садовника Людовика, взбирается на вершину башни, схватывает знамя и смело машет им оттуда. Гвардия

присоединяется к воставшему народу. Гюллен, Эли арестовывают коменданта. Народ освобождает семерых заключенных и носит их на руках по улицам Парижа. На развалинах крепости устраиваются веселые танцы. Буржуазия вступила 14-го июля 1789 г. в борьбу решительную с королем Людовиком 16-м, но кровь свою проливали рабочие. В Буржуазия, захватив власть, оставила в пренебрежении тех, чьими руками она добыла себе свободу.

Вспоминая о падении Бастилии наполняет радостью сердце Бабефа, и только одна картина пробуждает в нем грусть. Народ арестовал бывшего министра финансов Фулона, который вел дал государственный казну и его зятя. Фулон применял суровые меры к взысканию налогов и сказал раз по адресу голодающего народа.

— Пусть жрет семя, сволочь.

Фулон и его зять были повешены на фоваре. Голова тестя и зятя была выставлена на показ публике, на показ сотням тысяч зрителей. Франсуа был доволен: народ сам хочет отправлять правосудие. Ценно, когда народ довольствуется тем, что делает виновного безвредным; но он мог быть не таким жестоком. Господа вместо того, чтобы просвещать народ, превратили его в варвара, так как были сами варварами. Телесные казни, четвертования, пытки, колесование, кистри, розги, виселицы, палачи, сильно ухудшили наши нравы.

Вспомнил Франсуа и праздник объединения, день провозглашения братства всего французского народа. Все население приняло участие в приготовлениях к празднику. Праздник отличался большой торжественностью. Процессия открывалась батальоном, вооруженных детей и замыкалась батальоном вооруженных стариков. Она двинулась с того места, где раньше стояла Бастилия, Лафайет, главнокомандующий национальных гвардий, привел народ к присяге: «Мы клянемся в вечной верности народу, закону и королю, клянемся защищать новые основные законы, т. е. конституцию и сохранить неразрывные узы братства со всеми французами». 400.000 голосов собранного народа с воодушевлением ответили на это громовым: «Клянусь». Раздался салют, зазвучали трубы, послышался лязг оружия. Выступил король и поклялся соблюдать конституцию. Все утопало в радости и блаженстве, но это длилось недолго. Король изменил своей присяге. Он полатился своей головой. У власти встал буржуазия, и постепенно интересы народа отходили на задний план.

В голове Франсуа ясно и отчетливо вырисовывался план народного восстания для создания царства коммунизма. Только на рассвете заснул Бабеф, утомленный своими думами.

На другой день Франсуа проснулся поздно. Сегодня для него был радостный день: свидание с женой и детьми. Пребывание в тюрьме очень тяготило его: ему хотелось широкой, кипучей деятель-

ности на пользу обездоленных. Как ни старался он скрываться и прятаться от врагов, избежать ареста он не мог. Он не мог помириться с тем, что правительство вступило на путь удешевления революции. Буржуазия приложила все усилия, чтобы погубить Робеспьера, который пугал ее своими крайними мерками: жертвами закона о подозрительных были даже мешане, рабочие, крестьяне. Этим мером Робеспьер оттолкнул от себя народные массы. Но Бабеф понимал, что с надевшим Робеспьера—главного руководителя республики—последняя погибнет.

V-я глава.

Заговор.

— Да, целью этой революции является зажиточность для всех, образование для всех, равенство, свобода, счастье.

Вот уже несколько дней, как Бабеф скрывается у портного Клерси, своего хорошего знакомого. Уже давно, живя в Париже, Франсуа страшно бедствовал и голодал с семьей, а теперь лишения стали еще тягостнее. Восстание черных сил, приверженцев монархии, заставило правительство искать опоры в республиканцах. Оно решило освободить из тюрем революционеров—и Бабеф был освобожден. Выйдя на свободу, Франсуа продолжил свою деятельность. Образовалось новое правительство, которое еще более шло назад, а не вперед.

Бабеф сидел и ждал прихода друзей. Наступили дни действия. Сначала Франсуа образовал клуб своих сторонников, но из этого ничего не вышло. Состав этого общества был смешанный, непостоянный, многие даже не ясно представляли себе цели, но лишь в туманных выражениях говорили о народном благе. Время шло в спорах и бесплодных разговорах. Бабеф образовал комитет, но и он существовал недолго: возникли мелкие несогласия, что повело комитет к распадению. Правительство уже давно стало следить за Бабефом и закрыло его клуб. Но Франсуа, не смущаясь, продолжал издавать свою газету, где нападал на правительство метко и яростно. Тогда вспомнили, что когда-то Бабеф обвинялся в подмене подписей, но Франсуа точно доказал лживость этого обвинения. Теперь его ищут арестовать. Виктория уже арестована под предлогом того, что она распространяла сочинения своего мужа. Но открыть местопребывание Франсуа не удалось.

Часы показывают двенадцать. Мало-по-малу друзья собираются: их семь человек. Франсуа читает им план восстания. Нужно выбрать двенадцать агентов на каждый округ Парижа. Но ни один из агентов не должен знать ни имени других агентов, ни имен членов общества. За всеми делами они обращаются к Лидье. Для привлечение на свою сторону солдат нужно назначить еще пять агентов.

— Я предлагаю—сказал Дартэ—Жермена, который заведует полицейским легионом, бывшего генерала Фиона и капитана Гризеля.

— А хорошо ли Вы знаете Гризеля?—спросил Бабеф.

— Он энергичен и красноречив. Эти качества очень важны для агента,—сказал Дартэ.

— В таком случае, если вы ручаетесь, Дартэ, за него,—Комитет назначает его агентом—согласился Франсуа.

— И хочу—поднялся с своего места Сильвен Марешаль—прочитать собранию обязанности, которые должны выполнить: необходимо каждому образованному в своем округе одну или несколько групп единомышленников путем чтения народных газет, разговоров о народных правах и о теперешнем положении вещей, необходимо делать подробные донесения о настроении народа, указывать людям наиболее деятельных, выясняя к какому виду революционной деятельности они наиболее способны; полезно собирать сведения о лицах, проникнувших в союзы и с целью мешать революционному движению.

— К этим пунктам, по моему мнению,—сказал Лепельтье—нужно прибавить получение сведений о количестве пищевых продуктов, оружия, снарядов, о количестве мастерских, о числе рабочих, об их настроении. Кроме этого необходимо, чтобы люди состоятельные, сочувствующие нам, давали бы прибежище в своих домах нашим сообщникам, давали бы деньги для печатания воззваний, которые должны составляться людьми образованными.

В конце заседания было решено собираться каждый вечер. Прошло несколько дней. Комитет снова собрался, чтобы окончательно выработать план восстания. Собрались, как всегда, Франсуа, Дартэ, Буанаротти, Лидье, Гризель и еще несколько человек. Сначала были прочитаны донесения агентов, а затем рассмотрены листки и брошюры, предназначённые для распространения. После долгих прений Франсуа перешел к рассмотрению основных законов—т. е. конституции.

— Конституция 1791 г. и 1795 г.—сказал Бабеф,—не дают народу свободы; лучшей конституцией является конституция 1793 года. Правда, она сохраняет собственность, объявляет независимость торговли и промышленности, но, неходя из нее, можно создать учреждения, обеспечивающие народу свободу.

После восстания образуется Национальное собрание, в которое входит по одному депутату от каждого округа. Это национальное собрание и должно переустроить общество на началах равенства и братства.

Затем Буанаротти огласил список лиц, преданных революции: рабочие революционеры, члены прежних учреждений, канониры, гренадеры, офицеры в отставке, члены полицейского легиона, инвалиды, запасные военные.

— Я должен сообщить,—сказал Дидье, что поведение полицейского легиона настолько обезпокоило правительство, что оно ушло из Парижа два наиболее мятежных полка.

— Я должен заявить—сказал Россинюл, что мои товарищи, члены бывшего правительства, вполне присоединяются к перевороту. Военный подкомитет, в лице Массарта изложил план восстания. Собрание решило, что комитет должен дать своим агентам указания, соответствующие плану военного комитета, что через два дня необходимо собраться снова, чтобы еще раз все обдумать и назначить день восстания.

— Я полагаю—сказал Бабеф,—что сигналом к восстанию должно быть опубликование прокламации: я хочу ознакомить Вас с ее некоторыми главными положениями.

«Принимая во внимание, что угнетение и нищета народа достигли своей вершины, принимая во внимание, что пайка заговорщиков задушила народную свободу,—друзья народа объединились в комитет и постановляют следующее: народ находится в восстании против тирании. Цель восстания: свобода равенство и благосостояние всех. Пусть граждане и гражданки собираются со всех сторон в группы при звуках колоколов и труб под предводительством друзей народа, т. е. патриотов, которые будут иметь знамена с особыми надписями. Народные генералы будут иметь на шляпах трехцветные ленты. Все граждане отправятся к главному месту своего округа, имея свое оружие или какиенибудь другие, годные для занятия инструменты. Городские ворота и течение реки будут заблаговременно охраняться, никто не может покинуть Париж без особого позволения, выданного Комитетом. В город будут впускаться только курьеры и продавцы съестных припасов. Народ овладевает государственной казной, монетным двором, почтой, министерствами и всеми общественными и частными магазинами. Народ не успокоится до тех пор, пока не будет свергнуто тираническое правительство. Общественная и частная собственность поступают под защиту народа»

Собрание одобрило это воззвание. Все разошлись, условившись собраться через два дня для назначения окончательного дня восстания.

VI-я глава.

Победа темных сил.

— Мы не создаем ничего нового, мы идем только по следам тех великих защитников народа, к которым до нас оставили свои дела справедливость и счастье, должностные следствия уделом народа.

Прекрасная маяская ночь опустилась над Парижем. У подъезда квартиры главы правительства Карно на одной из лучших улиц Парижа, стоял Гризель и с лихорадочной поспешно-

стью энергично звонил. Ему долго не отпирали. Наконец, дверь открылась, дежурный недовольным голосом спросил:

— Что нужно?

— Я имею важное дело к президенту,—сказал Гризель. Он был введен в приемную и через несколько часов предстал перед лицом Карно. Гризель подробно изложил президенту план восстания. Глава правительства поблагодарил доносчика. В руках президента были адреса, все приметы заговорщиков.

На другой день рано утром к Бабефу, пробираясь разными окольными путями, чтобы не попасться полиции, пришел Буанаротти. Они если оба составлять воззвания к народу. Другая же часть заговорщиков собралась в другом месте, чтобы назначить день и час восстания. Не успел Франсуа набросать и несколько строк воззвания, как дом его оцепила полиция. Друзья были арестованы и отправлены в тюрьму. Собрание, обсуждавшее день и час восстания, тоже было захвачено.

По улицам города правительство разклеило объявления, в которых рассказывало от какого ужасного бедствия оно спасло Францию. Дело о заговоре правительство решило перенести из Парижа в Вандом, чтобы не поднимать излишнего шума. В особых клетках, специально для этого изготовленных, обвиняемые были привезены в Вандом. Жена и оба сына Франсуа вместе с родственниками других арестованных сопровождали эту печальную процессию, тщательно охраняемую жандармами и кавалеристами.

Друзья народа, оставшиеся на свободе, стали подумывать, как бы освободить арестованных, но мыслька эта не увенчалась успехом. Наконец, настал день суда. Обвинители рисовали подсудимых в самых мрачных красках.—Это злобные существа, не ведящие до сих пор чудовища, лицемеры, безбожники, честолюбцы,—говорили они. Сын Бабеф на всякий случай передал отцу на свидании проволоку.

Гризель предатель явился на суд в качестве свидетеля, но полицейские агенты отказались с ним сидеть. Обвиняемые смело защищались и открыто высказывали свои убеждения.

Население города Вандома с большой любовью и сочувствием относилось к подсудимым. Некоторые из жителей старались подкупить стражу, но это окончилось неудачей. Заключение получили только некоторые инструменты. Им удалось сделать в стене довольно широкое отверстие, но неосторожность погубила все дело. После целого ряда нарушений законов судьи приговорили Бабефа и Дартэ к смертной казни, остальных к ссылке. Франсуа и Дартэ, услышав такой приговор, старались умертвить себя кишками, сделанными из проволоки. Но оружие сломалось. Они провели день в ужасных мучениях. У Франсуа железо осталось в ране около сердца. На сле-

дувшее утро, почти на рассвете, они твердым шагом вошли на эшафот, где и сложили свои головы под подем. Крестьяне подобрали их трупы и похоронили.

Попытка Бабефа ввести коммунистический строй оказалась неудачной. Крестьяне того времени не могли понять коммунизма; они только что стали входить во вкус частной собственности. Бабеф и его друзья не являются предводителями

пролетариев, так как таковых еще в то время не существовало, но они решительнее всех боролись за дело пролетариата во время великой французской революции.

Прошло сто двадцать два года со дня смерти Бабефа, но имя его будет жить в памяти всех ушестенных.

А. Карсевич.

Мужи разлива.

Великие, гневные. Они идут и идут. Это сама стихия. Это мужи разлива.

Кто может сравниться с ними? Кто выдержит их огненный взгляд? Разве ты надменная сытость? Разве ты буржуазная свора? Нет и нет!

Ты жалкая окслизлая плесень. Да знаешь ли ты мужей разлива? Можно ли измерить их бурю. Ведь они родились в подвалах. Начало их в грязи. Их осматывали пощечины. Их ослетали подлостью. Их не заморозил холод. Их не испугал голод. Они росли на задворках. Они забавлялись пылью. Они выросли гордыми. Они возмужали неустранимыми. Потому они проникли в мрачные шахты; приблизились к сердцу земли. Потому они шли на фабрики; управляли чудовищными машинами. Они носились в бурных волнах океана. Их не могла уничтожить беспощадная война. Всегда и всегда они выходили победителями. Всегда и всегда их текла кровь. Потому они великие. Потому горят беспощадностью.

Идут и идут. Гордые, неутомимые. Их воспятили ураганы степей; бурность морского прибоя.

Их закалила мрачность шахт, беспросветность подземелья. Они винтали грохот машин; организовали механизм. Их наполняет свирепость войны; неумолимость орудийного разрушения. Это сама стихия. Это месья—мужи разлива. Можно ли их разжалобить? Можно ли обмануть ложью попов? Они изучили всю буржуазную подлость. Они пережили весь ее чудовищный ад. Что им слезы ваемных плакальщиц? Что им завывание псов? Когда они пережили боль гибнущих товарищей. Когда они с детства проклинали буржуазный мир. Их нервы закалились. Их сердца переполнились месья.

Пусть поны воют о смирении. Пусть грохат мучаю ада. Да когда они были смиренны—не они ли благословляли на убийство брата? Да когда они испытывали ад—не они ли возлежали в хоромаш? Мужи разлива знают это. Мужи разлива неспытали востоящий ад. Потому они велики. Потому горят беспощадностью.

П. Дальний.

УТРО НА ВОЛГЕ.

Волга—штамба сизой стали,
Берега—застывший плак.
Нежно Зори задытали,
Точно в поле адым мак.
В небе бледно—посинелом
Туч лепидавлений свинец.
Но румянцем брызжут стrelы
В их узорчатый венец.
Замелькали равней рябью
Волги долгие валы—
Ветер намыл надводной хлябью,
Распахнувшись в две подлы...
Утро бодростью бросает
Все обильней и смелей,—
И туман ползучий тает
У подножья Жигулей...
Ночь, нахмурившая брови,
Умерла за далью гор.
Пролил в Волгу волны трови—
Запылал Веселенский Горь.

Дорогойченков.

С Е Н О К О С .

Ой, сенокосный день румяный!
Как яблоко душиет хорош!
А воздуху чуть—чуть пошешь—
И свежий и чудесно пыльный...

Ой, разсып людя на лугах!
Размашиное рук мельканье.
И радужное кольханье,
И утопанье рубаш!

Живое жваканье косы,
Падение травы душистой
И взбрызгиванье росы
Свежителной и серебристой!

Махнешь рукой—и теплый пот
На тела выхлебнет рубашка,
Махнешь рукой и встрепыхнет
Обеспокоенная пташка.

Василий Казин.

Колчак, попы и Бог.

Диву даешься, иной раз до чего чудно устроен свет...

Приютю у себя Колчак духовенство. В Сибирской „империи“—попу почет и первое место.

Колчак и шагу, говорят, не ступит без архиерейского благословения и совета.

Батюшки им не нахвалятся.

Такой уж с духовенством ласковый, да обходительный...

Никаких от него этой породе отказов не бывает.

Всюду молебны служит, по всякому случаю; ничего этакого не пропустит, чтоб так, без молебна и прочей красоты... Одно слово—живым на небо карабкается.

Прямо не нарадуются на него долгополая братия.

Все честь, чество: Николаша, блаженной памяти (помяни Господи раба твоего) да и только!

Гришку бы только Распутина в придачу, и, как есть—вылитый будет „император“ с Колчака!

И разумеется, батюшки тоже в долгу не останутся. Как же можно!

Неужто „совести“ у них нет, что ли?

Как-же! Как-же! Все делают, все, что только можно... и чего нельзя. Где уж тут смотреть-то, время, поди, горячее; раздумывать уж очень не приходится: надо действовать. Дело, ведь, небось, общее... Друг друга спасать надо.

Разве забудешь такое времячко, такое приволье, какое было „в старину“—до октября 1917 года. В век не забыть... только этим и грезят батюшки. Что и говорить. Хорошо тогда было, привольно...

Московский митрополит получал жалованья с другими доходами со „святень“ и „мошей“ 81.000 рублей, Петроградский—255.000 рублей... Киевский—84.000, а Новгородский архиепископ—307.000 рублей. Около тысячи рублей в день.

Заседавшие в Синоде епископы имели капитал и отдавали деньги взаймы и только одних процентов получали свыше 3.000.000 рублей.

Попы, пониже, вроде Самарского архиеря и его сподручных тоже не вешали носы. Так, в 1915-ом году у епархиальных капиталов насчитывалось 41.988.058 руб.

В сберегательных кассах поповских денег только в 1904 г. было 72.436.100 руб.

А земли сколько было, добра?... Эх, лучше не поминать: слеза прошибает.

Думали, гадали попы, как бы это Колчаку благодетелю и покровителю, помошью этак посушественнее оказать; доходы свои... то-бишь, (типу на язык, свят, свят, свят...) „веру православную“ от большевиков спасти.

Решили образоватъ полки: „имени Иисуса Христа“, „Николая Чудотворца“, „Марии Магдалины“ и еще, кажется, „Гришки Распутина“ и т. п.

Сказано—сделано. Закипела работа.

Дураков нашлось в Сибири немало... Идут в поповские полки. Да как и не идти!

Попы говорят: „никакая тебѣ красноармейская пуля не возьмет,—где уж ей—раз самой что ни на есть высшей благодатью“ охранен...

Куда там пуля!—Обязательно с пути свернет, коли попа увидит.

Да к тому же, ведь, на защиту Колчака идем, на защиту „великого печальника за поповские доходы“... Ох, ты Боже! И вылетит же этакое богоухальное слово...

За „церковь православную“—хотел я сказать.

Дело самое приятное, значат, Богу. Он поможет, за своих постоит.

Однако, скоро оказалось, что-то неладное. Красные себе и в ус не дуют; гонят колчаковские банды и в хвост, и в гриву; достается здорово и поповским полкам.

Чудно устроен свет...

„Уж не заключили ли большевики тайный договор с небесами“,—дивятся попы.

Да нет, не должно быть; большевики против тайной дипломатии...

Рядили, судили, прели-сопели, и решили.

—„Большевики и Бога на свою сторону перетянули. Стали, мол, большевики это про власть бедняка ему расписывать, про богатого и бедного, про равенство, про ближнего, да все из евангелия, да все притчами, притчами, да из псалмов... Он и перешел к ним. Перетянули к себе, аспиды. Прямо по евангелию доказали, что Богу с красными по пути... „Ну, и нагод!“...

Как дошли до этого попы, так и порешили:

„Колчаку доложить, что в небесах неспокойно, необходимо принять спешные меры“..

Вот и думает Колчак теперь, как бы это Богу на верный путь направить: сбился, да и только!

Красное Жало.

Разговор „Его Величества“ с „их преосвященством“.

Колчак (читает союзническую газету. На столе царская водка в бутылках с красными головками).

— Да скоро чтоли чорт скачет эту учредилку с моей шею! Лунил, лунил ее в Уфе. Думал, сдохнет... Нет, наскуда—все еще болтается на белом свете. И опять же липнет ко мне,—влюблена. Уж ударился на последнее: расстрелял педую пачку этих недоносков, выставил всю учредилковскую братию из своего «совета».. Ну, думаю, теперь отдохну. И чтоже вы думаете. Откачался? Ошибаетесь! Вот союзники заскулили—признавай, говорит. Учредилочку! Опять вячий. Тьфу—ты дрянн. Да ведь уж в конце концов неудобно. Ну, сами подумайте, господа союзники! Бил, бил учредилочек по их дубовым лбам, а теперь, наоборот... Собирай. Ах, и шельмы эти союзники (прямо можно сказать сволочь): когда я гвал красных почти до Самары, тогда они об Учредилочке ни гу-гу. Слово кольями себе рты заткнули. Вот, мол, думали, разобьет Колчак большевиков и тогда мы признаем его «законным правителем всей Руси». А как увидели, что красные-то делов стали давать нам, схватились за юбку Учредилки, надеясь хоть при помощи ее оттянуть свою смерть.

(Входит Уфимский архиепископ Андрей)
Благославляю тебя, сын мой! Почто ты zelo опекаешься? (показывая крест) Сим победиши.

— *Колчак:* Довольно звонить, святой Отче. Кажется уж не молодой дурака-то валять, да балагурить предо мною.

Смотри, как побеждаем! А ты вот скажи, как с Учредительным Собравием то быть?

— *Епископ:* Фу ты, чорт, ее возьми, прости Господи—велики согрешения. Опять учредилка. Я так рассуждаю, сын мой! На ушедших от нас

учредилочек наплюй. А оставшиеся-то эти как бы так выразиться... Ну, вроде наших прихвостней. А созывать эту самую Учредилку все таки погодим. О себе надо подумать.

— *Колчак:* Да, это правда. О себе подумать надо. А ведь жалко и союзников. Если бы не они, так пропадай наши дела.

— *Епископ:* Да, если бы не союзники, завтра же хоть без штанов иди.

— *Колчак:* И сердятся они, наверно, на нас. Но ведь здесь не наша вина. Мы все силы употребили, чтобы только разбить красных. А они нас так безобразно погнали, что мы не успевали отступать. Чего говорить—дела никуда не годятся! Пермь взята. Надежды исчезают, забастовки делают. От правительства требуют, чтобы нам денег не давали (Воеклицает). Предчувствую подорое, отец!

— *Епископ:* Да. Дела плохи.

— *Колчак:* Выйдем с горя.

— *Епископ:* Умный ты правитель (подмигивает на бутылки). Не забывашь, утробу православную. Разрешаю и благославляю (Широким размахистом крестом осеняет водку) Разоимем и возопием. (Пьют и поют дуэтом)

— Быстры как волны все дни нашей жизни. Что час, то короче к могиле наш путь...
Налей. Налей — тов...

Епископ: Свят, свят, свят... Чур меня. Сгинь, пропади!.. Мать—пресвятая. По шельке большевицкую песню запел...

— *Колчак:* (бьет бутылкой о стол) Другую. дологривый!.. Мою...

(Поет)—Во-о-о-же-е па-ри-я-я...

А. А.

СТАТЬИ.

НА СТРАЖЕ!

Теперь мы можем определенно сказать, что классовая борьба между пролетариатом и буржуазией уже вступила в последний период.

Заключена мировая грабительская (империалистическая) война. Мировая буржуазия объединилась в союз, который на деле оказался доподлинным «итом наций». В Версале, этом давнишнем убежище коронованных и декорированных буржуев, в этом черном гнезде контр-революции,

пухлыми руками банкиров и социал-лакеев состроилин чедовеконенавистический «мир».

Немецкое правительство горе-социалистов, творя волю буржуазии, называло согласно подписать версальский мир.

Итак, война закончена. Лега буржуев создана. Мир—подписан. На шею немецких крестьян и рабочих наброшена удавная петля. Ликует буржуазия, и на улицах банкирского «Паража па-

лят пунжи в честь «мирного» грабежа по приказанию господина Клаемсо.

Как будто, пятилетия преступная бойня, устроившая буржуазией во имя своих барышей, сошла им с рук. Как будто, буржуазия и на этот раз вышла сухой из воды. Как будто, реки народной крови, пролитой на полях сражений, сопли с разбойников и грабителей Капитала, как с гуся вода.

Умные мошенники, буржуазные живоглоты остались во всем правы. Честный трудовой народ, немецкие рабочие и крестьяне — оказались во всем виноваты. На их израненные плечи свалила буржуазия всю тяжесть войны; они — немецкие рабочие и крестьяне — должны уплатить все «издержки» французским, английским, американским банкирам потом, кровью, сырьем, саарским каменным углем, флотом, колониями, коровами и пр. и пр.

Конечно, это не так. Мы знаем, что все эти буржуазные «миры» и «лиги» гроша ломаного не стоят. Все это игрушечные карточные домны, которые рассыпаются при одном дуновении мировой революции. Все это удавные петли, по они свистят в воздухе, не захватывая шею рабочих и крестьян. Все это хитрые, дьявольские здания, по они построены на песке.

Мы знаем, что не в мягких кабинетах развратного Верселя, не речами продажных социал-соглашателей, не «лигой» кучки разбойников, не «миром», который судят буржуазия, не 14-ю пунктами Вильсона, набита американских миллиардеров — решится судьба.

И не крокодиловы слезы буржуев, не причитания Шейдеманов и прочих лакеев капитала омовит кровавые раны народов всего мира.

Мы знаем, что судьба наша — судьба всех трудящихся, угнетенных и голодных всех стран — решится на улице, в революции, в борьбе, вилтовкой и штыком.

Наш мир, наше счастье в том, что существует Российская советская республика советов, что Советский флаг развевается над Венгрией, что кипит в котле забастовок, восстаний, в котле гражданской войны Германия, что доведены до точки кипения рабочие Англии и Франции, что востали коммунисты в Вене, что бунтуют Балканские страны и стала советской Словакия, что востали Турция, Индия, и Египет. — Наш мир и наше счастье во всемирной революции, которая уже началась, которая с каждым часом растет, расширяется и побеждает. Мировая революция сметет всю нечисть и грязь, уничтожит всех паразитов, клопов и пауков, хищников и разбойников капиталистического строя. Она продиктует свои — новые законы жизни. Будущее за ней, будущее в руках рабочих и крестьян.

Но, объясните слепому, какого цвета молоко! Докажите дряхлому старику, что он отжил свой век и пацрасно болтается на белом свете. Убедите капитализм в том, что он стал беззильным, беззубым и прогнал насквозь.

Убедите паразита — буржуазию в том, что она отжила свой век и ей на смену идет трудовой народ с пролетариатом во главе.

Это немелеимо. Капиталистический строй не может сойти со сцены добровольно — его нужно подтолкнуть и тогда он разобьется вдребезги.

Буржуазия до последнего издыхания не выпустит господства из своих слабевших, старческих рук — ее необходимо уничтожить.

Буржуазия — банкиры, помещики, фабриканты, заводчики, купцы, торговцы и кулаки — это особый класс, особый мир. У них своя история, своя логика, своя жизнь — во всем противоположная нашей, во всем враждебная нам. Буржуазия всеми мерами, всеми силами, тысячами сплотов, тысячами путей безпрерывно неустанно борется с трудящимися, ибо этого требует рожденный и утвержденный ею капиталистический строй.

В настоящий момент буржуазия кажется, что она начинает побеждать, что еще один напор и пролетариат будет окончательно и навсегда сломаен.

Поэтому, покончив при помощи «лиги наций» и версальского «мира» с немецким трудовым народом, мировая буржуазия решила, что настал самый удобный и подходящий момент, чтобы расправиться с самым злейшим, с самым опасным и с самым упорным врагом своим — Российской советской республикой, этим очагом большевистской заразы, откуда она с быстротой молнии распространяется по всему миру.

И действительно. Против Советской республики стеной встало все царство капитала, все разбойничьи страны от мала до велика. Поработительница сотен миллионов трудящихся во всех концах мира, владычица морей — торговая Англия. Франция банкиров и ростовщиков, задушившая своим золотом русскую революцию 1905 года, Молодая, но зубастая монархическая хищница Япония, выторговавшая у Колчака всю Восточную Сибирь. Америка — страна золотых королей, могущественных миллиардеров и миллионеров пшениц и рабов... Молодые, маленькие хищницы, пригнетые матерями «союзными» волками, — Польша, Чехия, Румыния, Финляндия и пр. и пр.

Они давно уже точат клыки на Советскую Россию. Они давно уже собираются распухнуть ее на кресте, и об одежде ее метнуть жребий, разделить ее на «оборы влиятель».

Фактически капиталисты всех стран не прекращали борьбы с Советской Россией, с самого первого момента возникновения власти рабочих и крестьян.

Это они питали оружием, снаряжением и деньгами шайку Дутова. Это они подготовили чехо-словацкую авантюру в прошлом году. Это они же поддерживали Деникина, Петлюру, Колчака, направляли Румынию, Польшу, Финляндию.

то нашим был капитал в руках помещиков, купцов, банкиров и кулаков, то-есть такой капитал, как земля, фабрики и заводы, рудники, леса, воды и золото. Этот капитал приказывал и «царю» и псарю улетать крестьян и рабочих.

Полезно было капиталистам сделать крестьян рабами крепостными, помещики—богаче посадили царем своего угодника и приказали: прикрепи крестьян к земле. И царь это послушно сделал, так как сам он был самым крупным помещиком. Правится тебе жить у злодея помещика или не правится—живи, не хочешь—тебе где больше земли не дадут. Другие цари прикрепили крестьян уже к самим помещикам. Помещики имели право своего раба казнить, ссылать, отдавать в солдаты... Менять на собак, продавать проигрывать в карты.

Когда капиталистам нужно было отнять у другого народа земли, рудники, побольше иметь крепостных рабов, они приказывали царю: войди, Царь гвал на убой тех же крестьян.

Вот старухи до сих пор говорят про Александра 2-го: «Царь батюшка освободил». А на самом деле было не так. Крестьяне видя, что жить стало во втерпек, начали делать восстания. Царь с начальством, как ни вешал, ни разстреливал, ни набивал тюрьмы социалистами и крестьянами—восстания не прекращались и угрожали. Царь и делает совет со своими друзьями. «Если»,—говорит он,—мы не освободим крестьян сверху, то они освободятся снизу», т. е. сами. Тогда, мол, нам будет капут, крышка. А так как у них была сила—капитал, а капиталом куплены поны, ученые, то им легко было перехитрить крестьян. И они решили освободить, но так, чтобы им было еще лучше.

Помещики видели, что крепостное право становится для них невыгодно: надо содержать дворню, давать крестьянам скот, одежду, ставить им избы. Толн дело освободить их, а землю оставить у себя.

Умные головы так разсудили: крестьянам дать земли столько, чтобы они на ней не могли жить с достатком и тогда они сами будут приходить к помещику в кабалу.

Это одно. Другое: часть крестьян, измучившись, уйдет в город к тем помещикам и куццам, у коих уже есть фабрики и заводы. И чем больше будет таких помещиков, тем можно дешевле их понимать и делать послушным стадом. Мы и видим, что случилось это так, как они говорили: крестьяне получили в надел на четверть и на половину меньше, чем они обрабатывали в крепостное право, т. е. от двух десятков до пяти, и только небольшая кучка Государственных и удельных владела до двенадцати дес. на ревизскую душу. Уже в то время безземельных, не получивших надела совсем, было до 720.000 душ, да не мало мещан, которым земля якобы совсем была не нужна. Этим суждено было поступить в кабалу к помещику и куццу.

Остальные работали днем и ночью, платили подати, разорялись и продавали свои души кулакам. Деревья беднела, кулаки жирели, а попы в церквях и школах призывали к смиренню, говорили «Бога бойтесь, царя чтите».

Вот началась нажива, ханаше за счет мужицких мозолей тут, глядишь, кулак в помещика и куцца обратился: скунил земельки, построил мельницу, заводик. Помещик, что подолговее, спекулянул именем и в городе домов поваястроил, завод и фабрику громадные открыл, купил рудничек. Леса видимо не видимо в его власти.

И снова мы и в деревне и в городе его рабы... Так постепенно, как пауки липкой паутиной, скрутили, опутали капиталисты крестьян и рабочих—и Россия от крепостного права перешла к еще более тяжелому капиталистическому рабству.

А куццы укрепляются и в свои руки заберают все торговлю.

И не только у нас в России, но и за границей—одна история.

Посмотрим, как они сумели новое крепостное право ввести.

Капитализм сильнее всех в Америке.

Там куццы и купчики уже давно свои грабительские союзы имеют. Они называются Синдикатами и Трестами. Чтобы крепко защищать свои грабежи, союзы помогают друг другу и не дают каждому члену в отдельности разориться. Такие союзы есть и в Англии, в Германии, во всем мире, и, конечно, были и у нас в России.

И вот как они орудуют. Крупные банкиры Американских штатов захватили 95% всех железных дорог. Это значит, из 100 верст железнодорожного пути 95 верст в руках банкиров.

Все рабочие, проводившие путь, железнодорожные служащие, пассажиры, едущие по железным дорогам,—все рабы банкиров: они ежечасно наполняют им карманы. Нефтяной трест в 1903 году объединил в своих руках почти всю выработку и доставку нефти и в 1906 году доставил на рынок 90%.

Есть даже и такие примеры, когда один капиталист вырабатывает и доставляет весь товар, какой только возможен. Например, один взял в свои руки все железо, другой выголку спирта. И миллионы рабочих оказались у него в кабале.

Наши русские куццы и купчинки, банкиры и спекулянты не отставали.

Синдикат «Продамети» в 1911 году объединил продажу сортового железа 88%, балок 95%, осей 100% и 93% всего русского железа. И мы, покупая железо, давали барыши этим синдикатчикам, а кадилы, таскали, возили железо опять-таки мы, уходящие из деревни на заработки и настоящие рабочие, наши братья. «Братья Нобель» и Т-во «Мазут» забрали себе в руки доставку 70% всего керосина. А мы, покупая его, не знали, сколько переплачивали в купеческие карманы.

И все: уголь, железо, нефть, керосин обрабатываются перевозят не сами капиталисты своими руками, а руками рабочих и крестьян, накопная и складывая барыши через согнутые спины своих рабов. Есть даже такие грабительские союзы синдикаты, которые объединяют капиталистов всего мира: нефтяной трест, всеобщая компания электричества и пр. Эти хотят завладеть всем миром.

Теперь посмотрим, как обирали нас всех ежедневно, чего мы до сих пор не знали. Чтобы доставить железо, заплатить рабочим и выработать из него 1 фунт гвоздей, предположим, стоит 1 коп. Заводчик, или совз, продавая фунт гвоздей, берет 1 коп. барыша. Значит, купец покупает у заводчика фунт гвоздей по 2 коп.

Купец продает городскому торговцу уже за 3 коп. У торговца покупает сельский торговец и с нашего брата берет уже 5—6 коп. Мы владеем в разные карманы купеческие 4—5 коп. На каждый фунт гвоздей.

Видите, какая механика?

Теперь... Мы сами вырабатываем хлеб и продукты, сырые материалы: лен, пеньку, подсолнухи. Мы также получаем барыши? То-то что нет, выходит наоборот.

Мы всегда в нужде и продаем все от нужды, а те же кушцы за дешевку скупают наши товары и они же за наш товар получают барыши. За границу, например, надо продать пуд ржи не свыше рубля. Надо расчислить, за сколько же надо купить пуд у мужика, чтобы и сельский ешукщик, и городской купец, и крупный купец могли нажить. И устанавливают цену в 50—60 коп. А мужик выработать пуд ржи стоит или все 60 коп. или даже больше, или чуточку поменьше.

Не продать—чем подать заплатить? на что купить ситцу, гвоздей, керосину, сахару, плут, лошадей?

И берет мужик за бесценок все, что сам с удовольствием ел-бы да израсходовал.

Вот эту машину и надо было сломать, т. е. надо было все капиталы вырвать из купеческих рук и передать в руки рабочих и крестьян.

Кто же хотел это сделать и кто сделал уже? Не те ли, что хвалят старую жизнь? Не эсеры ли, меньшевики, кадеты, которые хотят капиталы не брать у капиталистов, коим очень хочется заигрывать с кушцами, когда с ними один счет: лишить власти и капитала?

Ведь власть держится капиталом, а раз так, то рабочие и крестьяне никогда не возьмут власть в свои руки, если капитал оставлять у кушцов, помещиков и кулаков.

Разломать эту машину хотели только одни коммунисты—большевики и только они не хотят вновь отдавать капиталы русские русским капиталистам.

Беседа вторая.

Почему же крестьяне и рабочие не могли раньше свергнуть его капиталистов и почему, свергнув его теперь, невольно делаются коммунистами?

Крестьян и рабочих так много, что они действительно, закидали бы шапками кучку капиталистов. Ведь во всех странах больше батраков, чем крупных хозяев. Однако, крепостное право было везде, да и теперь еще во всех концах мира батраки находятся в кабале и не могут свергнуть своих науков кровососов.

Секрет заключается, товарищи, в силе капитала, которым владели они. Они великолепно знали, что трудовой народ всетаки постарается свергнуть его, и разными ухищрениями с одной стороны—сеорили нас между собой, с другой—держали нас в темпоте и невежестве, и с третьей стороны—за крестьянами установили строгую слежку, для чего нанимали за деньги полипейских.

Сеорить нас было легко. С горя и нужды мы уже привыкли за каждую «Свою» палку итти в «кулак».

Вот я имею две десятины, а шабер ничего не имеет. И я горжусь, что у меня есть собственность, что я богаче шабра. Правительство издает такой закон, чтобы я, вставши на ноги, мог купить у тебя, разорившегося, надел. Я становлюсь еще богаче и держусь за свою собственность. Рядом со мной богатеет еще быстрее меня. Тот уже соперничает со мной. В это же время помещики имеют десятки, сотни тысяч и миллионы десятин земли, тоже в собственности. И я и он—оба мы за собственность. Правительство этим не удовлетворяется и продолжает вбивать клины в крестьянскую семью. Так министр Столыпин издает закон об отрубках и о выходе из общины.

Цель такого закона была не помочь крестьянам, а окончательно рассорить их, чтобы сила крестьянская не была страшной для капиталистов. И мы видели, что начиная с 1905 года в деревне были ссоры и ссоры и это не то, что теперь, когда беднота борется с богачами.

Тогда борьбу вели бедняки с бедняками, потому что вместе с богачами из общины выделялось очень много бедняков. Да и теперь еще разные генералы Колчаки, Деникины, немцы Шейдеманн стараются сеорить бедноту и им еще удается черное дело.

А все это происходило и происходит от неведения и темноты. А темнота шла отовсюду: из церкви, из школы, из кабака. Попы все время долбили нам: почтай царя и начальство все, что оно делает—все с Божьего веления. Они все сулили нам царство небесное, чтобы рабско-терпеливо работали на господ. Церковь сделали местом, где сплетались самые крепкие тенета. Попы свое влияние переносили и в школу. Учителям приказывали учить тому же, чему учил пои в церкви, не послушных сажали в тюрьмы, изгоняли из школы. Правительство повесало везде кабаков и там спавало крестьян и рабочих.

Ночь непролаяная стояла над русской землей, а пользуясь этим, обжирались, веселились помещики, кушцы, банкиры, кулаки и попы.

Пользуясь нашей темнотой и бедностью, правительство за деньги нанимало полицейских, жандармов и стражников. Они почти все были из нашего же брата, нашего же брата крестьянина и рабочего выслеживали, сажали в тюрьмы, разстреливали, вешали и отправляли в каторгу.

Как только кто-нибудь из нас выронит правдивое слово, сейчас же забирают и увозят. И мы все время скораясь, заведя лишней палке у другого, не видя, как сосут нас подлинные враги—обжоры, притихали, покорно несли тягу. Было время даже ненавидели тех честных людей, которые тайно приезжали к нам и хотели нам открыть глаза. Сами ловили их и отдавали на расправу уряднику или сами убивали на месте.

Вот до какой степени оудрачили нас слуги капиталистов!

Коммунисты-большевики, взяв власть и капитал у капиталистов, стремятся к одному—не разрывно спаять силы крестьян и рабочих, строго отделить их только от кулаков, которых очень мало, чтобы они больше не сорили крестьян и рабочих. Если коммунисты-большевики и объявили войну буржуазам сел, деревень и городов, то только потому, что эти господа еще продолжают стоять за свою грабительскую жизнь, не хотят подчиниться рабоче-крестьянской власти. Но коммунизм имеет прямую линию—обединить всех трудящихся в одну неизбежную силу, чтобы никакие хитрости буржуазии крупной и мелкой не могли вновь загнать трудящихся.

Поэтому понятны нам дела Советской власти. Чтобы поны больше не мучили трудящихся, власть лишила их казенного жалованья, а церковь отделила от государства. Чтобы школа давала полезные знания и не занималась той же морочкой, как и церковь,—школу отделили от церкви.

Чтобы кабак не туманил головы трудящихся, власть их изгоняет совершенно, и вместо кабаков строят трудовые школы, народные дома, открывает библиотеки, которые прольют свет, дадут знание, развлечение и отдых.

Из первой и из второй беседы, мы видим, товарищи, что Советская власть, где главой являются коммунисты-большевики, все капиталы взяла в руки трудящихся и разломала буржуазную машину кабалы, что это она уничтожает обман и морочку и собирает крестьянские и рабочие силы, дает возможность поскорее самим трудящимся строить свою жизнь.

Но вот еще главное и серьезное, о чем думают коммунисты-большевики, без чего они не допускают полного освобождения трудящихся.

И раньше и теперь буржуазия кричала: «Бей жидов! Изгоний не русских!» И всегда натравливала русских крестьян и рабочих на иноплеменцев: на евреев татар, и армян. И все это делала для того, чтобы всегда сорить трудящихся. О немце, турке говорили: «Это нехристи» точно немец, француз и турок иные люди.

Коммунисты-большевики говорят, что рабочие и крестьяне во всем мире наши братья, все они находится под игом капиталистов. Но этому коммунисты говорят дальше, что русские крестьяне и рабочие окончательно разрушат власть капиталистов только тогда, когда трудящиеся всего мира встанут с оружием в руках и возьмут власть в свои руки.

Но этому и песни сложены, называется она «Интернационал», т. е. песни рабочих всего мира. В ней есть такие слова:

«Вставай проклятем заклейменный
Весь мир голодных и рабов».

Слышите: Весь мир голодных и рабов!

И поют эту песню не только русские, но весь пролетариат мира.

Правильно ли то, что надо снять пролетариат всего мира в одну силу? Может быть мы—русские одни сумели устроить свою жизнь, французы одни и немцы одни?

Буржуи, когда хотят очернить Красную Армию, говорят со злобой: «Что там, русские что ли. Все там мадьяры, латыши да китайцы».

Но когда мы посмотрим на самих капиталистов и на слуг покорных черносотенцев генералов и на наших кулаков, то видим, что они в первую голову кричат: «буржуазия всех стран соединись!». Кто зовет себе на помощь союзников? Кто поехал в Америку, Англию и Францию жаловаться, что в России коммунисты-большевики отняли власть у буржуазии? Кто ведет на рабочих и крестьян чернокожких, японцев, французоз, англичан, башкир и татар? Все они же, буржуи. Кто они не кричат: «Бей жидов капиталистов!.. Бей купцов французоз, англичан американцев!» В Америке не мало капиталистов евреев, которые ссужают генералов Колчака, Деникина деньгами. Значит и «жид» в друзья угодила, если у него толстая монна. А еврей рабочему, еврей бедняку, который питается одним чесноком да селедкой и работает не разгибая спины, эти мерзавцы кричат: «Бей!»

Из этого прямой вывод, что капиталисты всего мира имеют свой союз, у этого союза одна цель—давить рабочих и крестьян всего мира.

И разве не правы Коммунисты-большевики, когда на своем знамени написали слова: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!».

Теперь вот и скажем: должны ли мы быть коммунистами? Должны ли мы, отобрав капиталы у бывших господ, работать за одну семью, стерев с лица земли границы государства, границы полей, уничтожив собственность, которая все время разбивала нашу силу?

Да, товарищи, это единственный наш путь—но путь не только русских рабочих и крестьян, но путь пролетариата всего мира.

И мы должны с оружием в руках пролагать себе этот путь к Мировой Коммуне. Только она даст нам вечный мир и счастье и истинную и свободную жизнь на свободной и общей для всех земле.

И. Яровой.

НАША КУЛЬТУРА.

Международный язык пролетариата.

Человечество переживает сейчас смену двух величайших эпох своей истории.

Закончилась самая грандиозная *Национальная* война всего мира.

Эта война довела рабочий класс «до точки кипения» и вызвала *классовую* войну,—борьбу трудовых масс всех стран за общие интересы, за экономическое и политическое освобождение из-под ита Капитала.

Россия первая вступила на путь диктатуры пролетариата, первая закладывает вехи на неизведанном еще пути социалистического строительства.

За нею идут венгерские, баварские товарищи; со дня на день близится присоединение итальянских, французских и немецких пролетариев...

Социальная революция может быть и будет только международной.

Все международные вопросы, вопросы войны, мира, государственных границ, самоопределения наций и т. п. переходят в руки самих народов.

Эта новая эпоха, которую начало наше поколение, ставит перед мировым пролетариатом одну громадную задачу—создать орудие широчайшего и, главное, устного массового общения между рабочими разных стран и наций, создать общий язык.

Уже в теперешнем периоде революции необходим тесный контакт между революционными массами всех наций, необходима пропаганда коммунизма по всему миру.

По мере же развития социальной революции возобновятся грандиозных размеров международные съезды, конгрессы, конференции:—партийные, профессиональные, кооперативные и т. д.

И вот здесь отсутствие общего языка вновь скажется более ярко, чем сказывалось до сих пор.

До последнего времени все сношения между пролетариатом отдельных наций ведут небольшие группы людей, знающих один—два иностранных языка, т. е. почти всегда представители интеллигенции.

На международных съездах и конференциях фактически от имени рабочих выступали и могли выступать также только интеллигентские вожди.

И несмотря на это, международные съезды рабочих представителей, происходившие довольно часто за последние годы, представляют с внешней стороны, жалкую картину.

Несколько десятков людей слушают доклады на 3—4 языках, иногда и еще больше, и половина участников не может следить за докладом, а тем менее принимать участие в прениях, т. е. не владеет языком докладчика или официальным языком съезда.

Если речь переводится одновременно на языки всех представленных наций, то получается еще более страшное зрелище: 5—6 переводчиков повторяют каждое слово докладчика, каждое возражение, каждое восклицание с мест...

Понятно, что в отчетах о таких конференциях всегда имеется ряд жалоб на неизбежные препятствия и промахи, вызываемые разноязычием.

И, конечно, о действительном «*братании народов*», об «обединении пролетариев всего мира» трудно говорить, пока не будет устранено это препятствие. Не следует думать, что это присуще только рабочим конгрессам (съездам).

Для самых образованных слоев буржуазии, проведенных детство с гувернерами и учителями, для дипломатов, епещально изучающих иностранные языки, все равно оказывается это препятствие.

Например, Версальские переговоры о мире безуловно ведутся с десятками переводчиков.

Также с переводчиками велись Брестские переговоры.

А в переговорах о Портсмутском мире в 904 году, оказалось, что японский представитель Комура владеет только французским языком, представитель Авелии незнаком с французским, а граф. Витте не знает ни французского ни английского языков.

И для разговора 3-х почтенных «особ»—понадобилось шесть переводчиков...

Если стольких трудов стоит сговориться избранным представителям международной буржуазии и партийной интеллигенции, то что сказать о рабочем, которому, не то что, иностранный, а и свой родной язык подчас нет времени подучить.

Ясно, что для него потребность в едином, легком, вспомогательном языке еще существеннее и понятнее.

Вопрос о международном языке очень не нов.

Все в свое время читали, или слышали, библейскую легенду о Вавилонской башне, когда за горуую попытку подняться к небесам грозный Ногова наказал народ тем, что лишил их единого

языка и наслал на них разноязычие, так что они сразу перестали понимать друг друга и не могли достроить своей башни.

Как мы видим из этой легенды,—уже тысячи лет тому назад еврейский народ рассматривал разноязычие, как наказание Божие.

Оставаясь в стороне вопрос о вмешательстве Пегови за нарушение небесных границ, мы знаем, что для торгового еврейского народа, бывшего в постоянных сношениях с разноязычными народами, жившими вдоль побережья средиземного моря (финикийцы, арабы, персы, греки...),—потребность в общем языке была уже довольно ощутительна.

Первые исторические эпохи решали вопрос о мировом языке свойственным им способом.

Надо припомнить, что это были времена последовательных мировых гегемоний (владычеств).

Побеждала всех и господствовала Греция,—и греческий язык всюду прибавлял и вводился, как общегосударственный язык.

Затем Римская Империя охватила почти все известные в те времена, земли и народы,—и латинский язык стал языком всемирным.

И до сих пор уцелели следы греческого языка в науке, а до недавних времен и в гимназиях.

Латинский же еще прочнее уцелел в науке, в католической церкви, и в школе.

Но времена военного господства одного государства над другими, а тем более над всем миром—миновали безвозвратно.

В средние века пользуется наибольшим влиянием уже не военная мощь, а культура, развитие, ум.

Так, во времена Французской Революции Франция пользовалась таким влиянием, как передовая страна Европы, что французский язык был самым распространенным в это время.

Но чем дальше, тем труднее становится называть язык не то, что всемирный, а даже просто самый распространенный.

На смену блестящему положению Франции времен Наполеона, когда она тоже чуть не стала всемирной империей, пришел «кошперт держав», т. е. известное равновесие между главными европейскими нациями—Английской, Французской, Немецкой, Русской.

И в наше время английский, французский, немецкий языки борются меж собою за мировое господство, но этого господства им не суждено увидеть.

Передовые мыслители человечества уже 200 лет назад почувствовали, что выход надо искать в другом месте, и обратили свое внимание на идею искусственного, международного языка.

С тех пор создано более 400 проектов разных искусственных языков, но только две попытки имели успех.

Первая—язык «Волапюк», созданный немецким пастором Шлейером в 1878 г.

Автор близко подошел к разрешению научной стороны проблемы, но сделал несколько ошибок, вытекавших из всего своего католически-буржуазного мировоззрения.

Свой язык он объявил всемирным, претендуя на замену всех живых языков, и, кроме того, до самого распада движения, он считал себя хозяином языка, имеющим исключительное право делать в нем изменения и дополнения, как в своей собственности.

В самый язык, как уступку его «универсальности», т. е. всеобщности Шлейер ввел ряд правил и неказил много привычных европейских корней слов, что сделало язык очень трудным для изучения и устного употребления.

Таким образом в начале сильно развившийся, имевший до 30 периодических изданий и восторженный обществом очень дружелюбно, язык «Волапюк», однако, умер естественной смертью, как по техническим недостаткам своей конструкции, так и в силу ложных принципов, положенных в его основу.

Совсем иным путем пришел к разрешению задачи автор другого языка «Эсперанто».—д-р Л. Заменгоф.

Прежде всего, он построил свой язык на иных принципах.

Не всемирным, а только интернациональным, вспомогательным является язык эсперанто.

Он не только не посягает на существующие языки, а напротив способствует их процветанию, особенно языкам малых наций.

В основу самого «Эсперанто», положен принцип наибольшей международной и легкости, так чтобы язык был понятен как можно большему числу людей. Во вторых, с первого же момента в 1887 г., автор отказался публично от всяких личных прав на свое изобретение, передав его всему человечеству.

Этот самоотверженный шаг сделал эсперантизм независимым, могучим, социальным движением, за 30 лет своего существования приобретшим сотни тысяч искренних приверженцев во всех углах света.

В самом языке заключаются те элементы, которые ведут к его развитию.

«Эсперанто» нейтрален, чрезвычайно прост, очень красив и гибок и удивительно легок для изучения.

Рабочий рабочий, без знания иностранных языков, может изучить его в 3—5 месяцев,—в то время как французский и немецкий языки гимназисты не могут преодолеть и в 7 лет.

Эти качества и самая сущность международного языка делают «Эсперанто» особенно ценным орудием именно для пролетарских масс, единственно связанных прочными узами общности интересов, но более всех других классов лишённых орудия устного и письменного взаимоборования, т. е. массы пролетариата, по большей части, не владеют иностранными языками.

В рабочей среде за последние годы это было учтено, и «Есперанто» заметно проник во многие рабочие и социалистические организации Европы, применение его в сношениях с товарищами из других стран.

Уже с 1904 г. существуют социалистические и синдикалистские журналы на языке «Есперанто». К 1914 г. число этих журналов доходило до 7, (общее число Есперантийских журналов к 14 году доходило до 200).

Центральный орган международного Союза Социалистов-Есперантистов «Интернациональное Социалистическое обозрение» выходил в Швейцарии, отдельные журналы имелись в Германии, Франции, Бразилии, Китае.

Любопытно, что Есперантский орган китайских анархистов «Голос Народа» пропущался беспрепятственно русской цензурой, даже во время войны, хотя там помещались самые откровенные революционные корреспонденции и обзоры из России.

Вероятно русское правительство меньше всего ожидало заразы из сонного Китая...

На языке Есперанто существует значительная библиотечка по вопросам рабочего и социалистического движения.

Во Франции, Германии, Швейцарии существуют десятки рабочих есперантских групп, не считая профессиональных объединений: почтовых чиновников, железнодорожников — Есперант, трамвайных служащих и т. д.

В Испании особенно сильно развито Есперантское движение среди рабочих, которые образуют ряд организаций с несколькими тысячами членов.

Но, несмотря на эти примеры, необходимо признать, что есперантское движение является пока еще т. е. сказать «партизанским» и не имеет за собой такой массы, которая являлась бы опорной силой для проведения языка в международную жизнь.

Причины этого замедления в росте, казалось бы беспорной идеи, вскрывает тов. Керасенцев в статье от 14. I. 19 в Изв. ЦКК.

— «Капиталистический мир, с его куломом границ и превознесением национальных особенностей, не мог создать почвы для развития международного языка. Каждая страна, каждое буржуазное правительство стремилось как раз к противоположному, — оно хотело сделать свой собственный язык общеобязательным, всемирным языком, не без основания считая, что господство над миром должно быть тесно связано и с преобладающим языком господствующей нации.

Имperialистический мир был врагом всему интернациональному, а буржуазные касты ученых и образованных инстинктивно противились созданию и распространению легкого, общедоступного, международного языка.

Ведь существование иностранных языков, изучение которых было доступно лишь привилегированным классам, помогало интеллигентской касте держать в своих руках и науку, и всю область знаний.

Социалистическая революция разрушает границы и опрокидывает навзничь самую идею национальности.

Создавая новые формы свободного объединения республик трудящихся, она впервые в истории человечества создает реальную почву для образования и распространения международного языка.

Созидающаяся в огне и буре новая хозяйственная и политическая система, естественно, требует отблескивания человеческих отношений.

Таким образом, первая социалистическая республика Российская имеет все основания для того, чтобы поставить на очередь дня вопрос о международном языке и приступить «практически к его разрешению».

В настоящий момент развитие Есперанто внутри Республики уже обеспечено.

Специальная Комиссия при Комисариате Народного Просвещения приняла «Есперанто» и постепенно вводит его в программы учебных заведений.

Но школа — дело будущего. В процессе же развития международной революции мы уже теперь сталкиваемся с пролетариатом разных стран.

И применение международного языка является современной задачей, требующей разрешения как можно скорее.

Красная же Армия, насчитывающая уже внутри себя немало интернациональных полков, представляет из себя авангард, чаще всех приходящий в соприкосновение с разнородными товарищами рабочими и крестьянами.

Поэтому для Красной Армии, для ее революционных частей, агитирующих среди союзнических, солдатских, обманутых масс, — изучение и применение «Есперанто» представляет немедленную, активную силу.

Притом, — это единственный выход для пролетарских и красноармейских масс разных наций.

Изучить какой либо иностранный язык, — для этого нужны годы.

Для «Есперанто», как уже было сказано, достаточно нескольких месяцев. А в этой быстроте изучения и применения заключается весь вопрос.

Кроме того, «Есперанто» будет служить одинаково во всех тех странах, куда придется посылать делегатам ли, целым ли частям Кр. Армии.

Даже внутри Армии, среди интернациональных частей употребление общего языка значительно облегчило бы как внешнее руководство, командование и т. п., так и внутреннюю связь отдельных национальных групп, составляющих эти части.

—«Россия была родиной международного языка. Советская Россия должна явиться пионером в деле государственной пропаганды общего языка, не только в своей стране, но во всех государствах мира».

Так заканчивает одну из своих статей о международном языке Керженцев.

К этому можно только добавить, что именно революционная армия Сов. России, как ядро международной армии пролетариата, должна одна из первых воспользоваться интернациональным языком, который послужит могучим средством пропаганды революционного коммунизма и сплочения мирового пролетариата в единую, трудовую семью.

Печенин.

О Б З О Р Ы.

Лишай и наросты.

На Советском дереве, посаженном руками коммунистов-большевиков, обнаруживается немало лишая и наростов из различных хищников, спекулянтов, пьяниц, воров, кулаков, черносотенцев и прочих отбросов. Вся эта «теплая компания» под видом друзей пролезла в Советы и делает в них черное преступное дело, чтобы уронить и опозорить Советскую власть, внести раздор, смуту в среду крестьянского населения и испакостить самую идею коммунизма. Конечно, удивляться такому явлению нечего. Надо только припомнить те условия, среди которых коммунистам-большевикам приходилось становиться у государственной власти. Царское самодержавие во всех учреждениях оставило после себя целый кадр старых буржуазных чиновников, испорченных до мозга костей. Среди них процветали: и пьянство, и взятки, и произвол и зуботычины. Новому правительству крестьян и рабочих нужны были и новые работники, могущие не за страх, а за совесть работать трудовому освобожденному народу, чтобы легче и скорее вывести его из нищеты и скотской подневольной жизни, в которую он был посажен царским правительством. Но новых, преданных работников у Советской власти было немного и их сил не могло хватить на обслуживание всех учреждений. Городская и сельская интеллигенция ударилась в саботаж, начала бастовать и, вместо поддержки, оказала Советской власти злейшее сопротивление. Нужны были специалисты—они не шли... В деревенскую глушь нужны были честные просвещенные работники—их не было.

Они упорно сторонились и, поглядывая издали, злорадно посямевались. А работа не могла стоять. Работа требовала своих исполнителей. Деревенские массы, политически не подготовленные, совершенно не интересовались тем, кого следует и кого не следует выбирать на ответственные должности и в большинстве случаев думали так:

«Кто ни поц, так батьба». Последствия царского правительства и тут сказались. Народ, никогда не участвовал в управлении, а управлялся кулаками, урядником, старшиной. И когда работническое правительство вручило власть на местах самому населению, народ, по темноте своей, отнесся к этому равнодушно. Беднота была не организована, не сознавала своей руководящей роли и незаметно распылялась, идя на поводу у мироедов. Этой-то неорганизованностью и равнодушием к вопросам общественно-политической жизни и воспользовались деревенские кулачество во главе с другими отбросами. Временно они, конечно, перекарасились, сделались красными и, за отсутствием делных сознательных работников, занявшихся саботажем, пролезли во все учреждения, но не служат новому правительству, а всячески вредят ему.

Советская власть не закрывает глаз на эти преступления, не прячет их, а напротив—предлагает сознательным гражданам указывать на них, бороться с ними и привлекать виновных к ответственности. Вот примеры таких преступлений, взятые нами из газеты «Беднота».

«В Пригородной волости, Тамбовской губернии, учетный хлеб идет на сомогонку. Пруднищенским продотделственным отделом, Тульской губернии, заведует известный всем спекулянт Филимонов. В деревне Мало-Кушурской, Слободского уезда, в председателе комитета бедноты записался бывший естражник Елькин. Бедняком он никогда не был и с беднотой ничего общего не имеет. Продотделственный отдел отобрал при помощи Елькина у одного крестьянина корову, оставив семейство в 11 человек при одной корове, а у самого Елькина имеется три коровы».

«В состав сельского Симского Совета, Владимирской губернии, вошли: известный барышник и пьяница Синоха, азартный игрок Ивлечев, спекулянты: Сидоров и Амосов. Эта теплая компа-

ния организовала отряд по борьбе со спекуляцией и под этой вывеской бесчинствует, отбирая хлеб у трудящихся крестьян, называя их кулаками. В Дроздовском волостном совете, Пековской губернии, председатель Бобек упиляет в пьяном виде самосуды».

«В именин Аристова, Тверской губернии, Зубцовским отделом социального обеспечения был прислан некий Поепелов для организации богадельни—прибежища для стариков. Вместо дела, он занялся бессовестной спекуляцией, обменивает керосин на молоко, собирает всею женскою обществу для кузечей, говоря, что *не жалко Советских денег*».

Таких примеров можно было бы привести и еще. Должностные лица, получившие ответственные посты, совершенно не оправдывают своего назначения и преступным поведением не укрепляют Советскую власть, а разрушают. Много намеренных несправедливостей допускают эти «советские работники» на местах и в тех случаях, когда собирают чрезвычайный налог с населения и производят учет хлеба. Здесь опять таки орудут темные личности, кулаки и спекулянты. Бедняков они облагают, а богатеев освобождают, вызывая этим недовольство среди бедняков.

Вот что сообщается об этом.

«В Выледской волости, Витебской губ. комиссия по раскладке чрезвычайного налога обложила многих бедняков и середняков, а некоторых кулаков совсем не обложила!».

«Председатель волостного Однолудского Совета, Орловской губ., И. Ефремов с бедняков собирает последнюю шкуру дерет, а кулаков избивает от реквизиций и контрабандий. Теперь только беднота нашей волости поняла, как осторожно надо выбирать председатели».

«Военный Комиссар Середского Уездного Комисариата Иваново-Вознесенской губ., Баршов совместно с секретарем Кошкиным и Попковым оборудовали подложный документ о несостоятельности отца Барнинова для снятия налога».

«В Шошниковой волости, Ярославской губ., при Совете существует есмшой пункт, куда привозятся валники хлеба, отнятые у кулаков. В первую очередь из ссыльных пунктов должны получать местные бедняки, между тем бедняки или совсем не получают, или же получают на месяц 5 фунтов овса.»

«В д. Рагозино, Владимирской губ., при пере выборах Совета прошли А. Лукьянов и П. Давыдов, которые обещают бедноте выпороть ее, когда-де вернется старое право. А пока что, этим чужеземцам удалось примазаться и к новому праву — власти трудящихся, благодаря сыну Лукьянова—военному руководителю волости, заставляющему бедноту голосовать за своих врагов. Со всех богатеев снят чрезвычайный налог, отменена мобилизация лошадей. Богачи радуются, бедняки чешут в затылке».

Не мало шкурников и темных личишек набилось и в коммунистические ячейки по селам. Назвав себя «коммунистами», эти молодчики думают только о том, как бы сподличать и замарать настоящих честных коммунистов. Пользуясь значением коммуниста, они пьянствуют, наживаются на спекуляции и думают, что им можно все делать и ничто за это не будет.

Так, например, «в Спасо-Клепском районе села Бусаева, Рязанской губернии, пролез капитармусом ловак—Спирьянов, натаскавший отсюда чаю, сахару, муки и денег. А в свободное от трудов праведных время играет с мальчиками в карты, жестоко обыгрывая их. Для безопасности от разоблачений Спирьянов записался в ячейку коммунистов».

«В Сырковенско - Липецкой партийной ячейке, Смоленской губ., состоит членом бывший служивший земельного отдела Агафонов, выгнанный отсюда за неблаговидные деяния. Неунывающий делец продолжает спекулировать: скупает горюх по 2,000 р. а продает за 4,000 и 5,000 Коровы почто перегоняются к знакомому спекулянта, а отсюда в Смоленск. С помощью своего шурина Сорокина, члена Демидовского Совета, он срубил большое количество леса в одном из участков демидовского уезда. Так и гниет народное добро на дворе у гнилого коммуниста».

«Коммунисты сельской Давилдовской ячейки, Тверской губ. А. Драняшников и П. Костерев, согласно распоряжению Совета, ревизировали коровью тушу у местного торговца Н. Горячева. Но совместно с председателем Совета Шипкаревым сменили гнев на милость, вернули торговцу корову. Чем он их умилостивил?».

«В д. Дальние Пески, Пущкаревской волости, Курской губ. председатель Комитета Бедноты В. Борозин так распределил 50 пуд. хлеба, назначенного для бедноты: себе 9 пуд., знакомым богатым по 3 пуд., а беднякам по 5 ф. Солдаткам в просьбах хлеба отказывает, говоря, что их мужья ушли грабеском заниматься».

Конечно, враги Советской власти радуются случаям таких преступлений подделов и ветодиев и при каждом случае шипят: «Вот вам и Советская власть! Смотрите, как безобразничают советские работники!» Но ведь в каждом случае есть паршивые овцы. Там, где партия коммунистов открывает преступные действия присовавшихся к ней «товарищей», она гонит их по шее, отдает под суд и шлепает на черную доску...

Так занесены на черную доску коммунисты села Шишкин, Владимирской губернии, за трусость при наступлении мобилизации и секретарь комитета бедноты села Городиц, той же губернии, «коммунист» Иван Орлов присвоивший себе 12 пудов ржи, собранных с общества в пользу немущих. Ячейка коммунистов села Верхне-Матренин, Тамбовской губернии, исключила из своего состава продовольственника Белова за выгонку

самогонки. Председатель коммунистической ячейки села Вязового, Курской губернии, Грачев арестован за распитие самогонки.

В Надвижском волостном исполнительном комитете, Смоленской губернии, член Никулин предан местной партийной организацией суду за взяточничество, комиссар земледелия Волченков лишен свободы на месяц за пьянство.

Однако, Советская власть не ограничивается одними только выговорами да исключением из партии, а применяет к злым виновникам более строгие и решительные меры, если их незаконные действия намеренно порочат рабоче-крестьянское правительство.

Так в феврале нынешнего года особым коммунистическим отрядом Областного Совета Урала было произведено следствие о деятельности должностных лиц в с. Евлатеринском, Пермской губернии.

Следствие доказало, что представители местной Советской власти, вместо того, чтобы заботиться об ее укреплении, своими поступками создавали поводы для выступления населения против Совета. Взыскание контрибуций производилось не только с кулацких элементов, но и с беднейшего населения без всякого разбора; красноармейцы Совета, производившие взыскание, выдавали вместо форменных расписок клочки бумаги, конфискации имущества производилась беспорядочно, неправильно и сопровождалась дележом конфискованного между должностными лицами. При попытках протестовать против неправильных действий Совета и приносить жалобы на дей-

ствия властей, граждане запугивались и подвергались новым наказаниям. Должностные лица производили расхищения достоинства и имущества Республики, наживаясь и обогащая свои карманы. Всех виновных в этом деле лиц, в количестве восьми человек, Военно-Революционный Комитет постановил расстрелять.

В Борисове, Минской губ. верховный революционный трибунал советов Литвы и Белоруссии Халопенгического военного комиссара Семенова за иждоустройства властью, расстрелы, истязания, аресты и грабежи приговорил к расстрелу.

Трудно работать Советской власти в таких условиях. Много у нее врагов и недоброжелателей, много терний на пути, много всяких пакостников и, вестак, не смотря на это, она укрепляется с каждым днем. Ряды ее работников обновляются новыми силами. Даже недавние саботажники из трудовой интеллигенции, примыкавшие к эс-ерам и меньшевикам, — и те постепенно стекаются в лагерь коммунистов-большевиков, раскаиваясь в своих грехах и ошибках. Партия коммунистов — большевиков за последнее время особенно усилена очищает свои ряды от темных присосавшихся элементов, замеченных в преступлении отдает по суд, и если партия, ставшая по воле Революции руководителем, уменьшится, благодаря этой чистке, количественно, то она поднимется качественно, а следовательно все меньше и меньше будет тех злоупотреблений должностных лиц, каковые наблюдались и наблюдается теперь в дальних деревенских углах...

А. Сергеев.

Как живут по новому.

Деревня уже пережила коренную ломку. Теперь замечается сильная тяга к новым, коммунистическим формам всего уклада жизни. В некоторых местах на изрыхленной революцией почве идет искание правильных, справедливых, «по совести», как выражаются крестьяне в резолюциях, путей, в других пути эти уже найдены, определены и определены самой работой. Там, где путь ярко освещен светом знания, крестьяне уже ни в чем не сомневаются, идут бодро и уверенно вперед, там быстро растут коммуны, артели, быстрыми шагами движется дело народного образования, сами крестьяне устраивают народные дома, библиотеки, школы, лекции, полезные развлечения. Искусство, как устройство спектаклей, организация театра, музыкальных кружков, хоров, уже не чуждо крестьянам. И теперь оказались неправыми те, кто, ссылаясь на темноту и дикость крестьянства, уверял, что оно никогда не поймет искусства.

Правда есть места, где крестьяне как будто невидят новые дела, но посмотрим, кто эти «незнайки». Так пишет корреспондент из с. Кеде, Нижегород. губ.

«У нас в с. Кеде, Нижегород. губ. местные учителя организовали Культурно-просветительный кружок. Занеслось около 40 чел. Деревенская молодежь с радостью работает, а старики шипят: «Уже взмнется е нас за театры на том свете». («Беднота»).

Здесь понятно совсем, что старики, в которых крепко сидит поповская завязка, страшно боятся аду и считают театры грехом.

Но это брюнчанье стариков работы молодежи остановить не может и вызывает в молодежь лишь усмешку.

Почти везде есть сознательные враги нового уклада жизни, который создается теперь.

Попы, кулаки, зная, что дело Советской власти пойдет хорошо и что сама власть будет любима, стараются подорвать ее, очернить и заходят со своим черным делом с разных сторон: мешают справиться с темнотою, обманом и ложью, мешают наладить продовольствие, создавать коммуны, артели и т. п.

Вот что пишет газета «Беднота» в № 320.

«В дер. Григорьеве, Бронницкого уезда, Московской губ. беднота организовала Коммуну. Кулакам завидно стало и начали они травить бедноту. Больного старика, Е. Итицкая обвинили в том, что он колосся воровал (на самом деле этого не было). Вызвали его на сходку, начали ермачить, грозили утопить. Загоревал старик, ушел в лес и не вернулся. Сейчас и убитой горем старухе покою не дают».

Но сознание крестьянской бедноты и большой доли середняков настолько велико, что кулаки то и дело срываются, и грязные попытки их делают скорее доброе дело, чем расстройство, то есть беднота теснее сплавляется и действует не прозрбод, а сообща.

Вот знаменательный пример.

«Съезд представителей Коммун Спасского у., Рязанской губ. постановил, что по первому требованию военного комиссариата все коммуны, как одни, станут на защиту Советской власти» (Беднота). Это значит, что есть опасность и дремать не приходится. Коммуны понимают, что свои маленькие коммуны они смогут защитить только тогда, когда на Советской земле не будет ни Колчака, ни Дутова, этих черных покровителей помещиков, купцов и деревенских кулаков.

Это уже не прежняя борьба в одиночку, своим селом, а борьба за всех бедняков Советской России—овая борьба, решительная. Какой же путь избирается крестьянством?

На это отвечает масса деревенских корреспондентов.

Строительство новой жизни почти везде начинается с организации ячейки коммунистов. Эти ячейки теперь существуют почти в каждом крупном селе. Их много и в мелких селах и деревнях. Ячейки контролируют все учреждения и зорко следят за тем, чтобы отдельные члены советов не злоупотребляли своей властью и тем не подрывали Советской власти.

Вот что сообщает «Беднота».

«В газету «Беднота» сообщили о незаконной реквизиции хлеба по деревням, которую производил комиссар Иванов.

Газета «Беднота» сделала запрос в Псковский совет. Теперь оттуда уведомили, что комиссара Иванова отдали под суд».

Ячейки создают клубы, народные дома, направляют народное просвещение, зная, что только они сплавят крестьянские силы в одну могучую семью.

Но путь строительства новой деревни особенно ярко освещается с хозяйственной стороны. Земля, хлебоное хозяйство—ведь это главный рычаг жизни крестьян в частности, главный сок всей

России. Улучшение хозяйства вместе с улучшением жизни вообще, вместе со справедливостью, которая высветляется в отношении друг к другу,—первостепенная тяга крестьянства. Несмотря на агитацию кулаков и разных черносотенцев, растут сельское хозяйство и коммуны, артели, просто общественные записки и т. д.

План везде один и тот же—развитие коммунизма, базис в одном месте он развивается шире, в другом только лишь возникает.

Берем ряд корреспонденций.

«На хуторе «Генягню» Гайно-Слободской волости, Борисовского у., Минской губ. безземельные рабочие создали образовали сельско-хозяйственную артель. Приступлено к обработке полей и обсеменению огородов».

Эта организация вначале.

А вот уже широкий размах.

«Минская губ., г. Борисов. Здесь при отделе земледелия действует управление отобранными у помещиков именьями. Во главе дела стоит агроном т. Морозов. Нуждающиеся в семенах крестьяне могут получить от управления: овес, ячмень, клевер, картофель и разные огородные семена по твердым ценам и им нет нужды переплачивать бешеную цену спекулянтам. Дело поставлено очень хорошо. Управление земельное отделе забрало в свои руки советские именья всех 28 волостей нашего уезда. Крестьяне, обращающиеся в отдел, получают все, в чем имеют нужду». «Беднота» № 338.

Здесь действительно широкий размах. С одной стороны Коммуны и артели хорошо снабжаются семенами. С другой стороны у кулаков совершенно вырывается власть над бедняками. Ведь кулаки пытаются, чтобы пролезть в совет, давили на бедноту подкупам и посулами «уважить», «дать взаимно», «спасти семью от голода» и «не отказывать в семенах». Это орудие у кулаков отнимается, и борьба с ними становится чрезвычайно легкой.

Вот еще пример.

«В дер. «Гураково» Дубровской волости, Могилевской губ. организовалась трудовая артель, цель которой работать сообща, выработанные продукты не считать своими, а общими и каждому трудиться по своим силам и получать по своим нуждам. Денежное вознаграждения за свой труд члены артели не получают. Излишки продуктов, за покрытием всех потребностей общества, предоставляются в общественное пользование через местную Советскую власть». «Беднота» № 294.

Артель выметила довольно широкие планы. Здесь и спайка отдельных семей в одну могучую семью, при которой не страшно будет беднякам. Здесь также, как и организации Борисовского уезда, верно избрана суть борьбы с кулаками—спекулянтами. Работать сообща—значит жить сообща, думать и побеждать артелью. Очень интересными являются цели уничтожить денежное вознаграждение и не брать себе излишки. Здесь

сильно бьет глубокое сознание вреда денег и сознательность, что в настоящий момент гражданской войны особенно позорно забывать своих братьев рабочих и крестьян северных, нехлебных губерний.

Как бы не говорили враги коммунизма, как бы не позорили коммунизм разные волыны и пельвины противники, называя себя то «беспартийными», то «коммунистами», деревни быстро идет к новой жизни и коммуны и артели быстро растут. Всех сведений у нас не имеется, но даже то, что есть под руками уже говорит о том, что дело налаживается, ладится и возврата к старому не может быть. Возьмем для примера цифры относительно Самарской губернии.

Вот они.

По данным Самарского губернского Земельного отдела в настоящее время в Самарской губ. имеются следующие сельско-хозяйственные коммуны и трудовые артели.

В Бугульминском уезде 2 коммуны с населением 71 души с 178 дес. земли.

В Бугурусланском уезде—3 ком.—211 душ и 762 десят.

В Бузулуком у.—7 артелей и 10 ком.—1699 душ 1846 д. земли.

В Мелекесском уезде—3 ком.—148 душ и 286 дес. земли.

В Балаковском уезде 2 артели и 1 ком.—231 дес. земли.

В Новоузенском уезде 21 артель и 28 ком.—3262 душ. и 14,788 десятины земли.

В Пугачевском у. 14 артелей и 7 ком.—3177 душ и 4215 десятины земли.

В Самарском уезде 2 артели и 10 ком.—877 душ и 2054 десятины земли.

Характерно вот что. Меньше коммун и артелей там, где был почти все время фронт, как в Бугульминском, Бугурусланском. Фронт мешал организации крестьянства, за то в уездах, где помех было меньше, коммуны и артели быстро растут и новые формы жизни внедряются в крестьянскую семью. Каждая из Коммун и артелей на то ибудет обращает особенное внимание.

Елецкая Коммуна Орловской губ. в 61 семье обратила особенное внимание на успешность засева земель. Там работа производилась даже на 2-й день Пасхи. В большинстве уездов Полтавщины площадь озимых хлебов увеличена против прошлого года на одну шестую часть. В Константиноградском уезде под Советские хозяйства занято 60,000 десятины. По постановлению Съезда волостных Коммун и артелей Череповецкого уезда отменены разделы на покосы. Заплата земли общественной. На все время полевых работ все лошади считаются общественными.

В Украине организовалось более 300 коммун. В Херсонщине Советские хозяйства занимают 200,000 десятины. В Харьковщине засеяно 60,000 д.

Там, где крестьянство освобождено от белогвардейцев, идет успешно строительство новой жизни, налаживается хозяйство на коммунистических началах. Все глубже и смелее проникает разум и светлая мысль, увлекая крестьянство на новый путь. Гражданская война и ее спутница хозяйственная разруха не дает развернуться во всю богатирю груди крестьянства, темнота еще давит его, а враги еще надеются отыграть на этой темноте, но теперь уже поздно: основание новой жизни положено и через 3—5 лет мы не узнаем деревни.

В добрый час!

П. Яровой.

Деревня и просвещение.

В своей статье, помещенной в № 4 нашего журнала, мы уже указывали на культурно-просветительную работу сельской молодежи.

Можно только удивляться той энергии, с какой она берется за работу, и той ненастной даже просвещения, какая чувствуется даже в самых темных медвежьих углах.

Но удивительнее всего то, что, не имея у себя ни опытных руководителей, ни вставщиков, деревня не ждет, когда они придут к ней со стороны, а берется за дело своего просвещения сама и выдвигает работников из среды своей молодежи.

Судя по газетным сведениям, за последнее время в селах и деревнях наблюдается особо сильное стремление к театру. За именем народных домов, приспособленных для этой цели, спектакли ставятся в небольших школьных помещениях, при неизбежной тесноте и неудобствах. И всетаки, не смотря на это, народ «налом валит». Идут не

только дети, любители зрелищ, но и взрослые и даже старики. А после каждого спектакля просят еще показать что-нибудь. Сельская молодежь, объединившись в культурно-просветительные кружки, работает вовсю.

Так в селе Ивановском, Нижегородской губернии, кружок под руководством учителей еще до июня месяца поставил в школе два спектакля.

В с. Жиморском, Владимирской губернии, недавно организованный союз молодежи ушел поставить четыре спектакля. А Клязминский культурно-просветительный отдел поставил около 10-ти спектаклей и два концерта собственными силами. В день годовщины Парижской Коммуны в с. Федове, Олонецкой губернии, был поставлен спектакль «Трудовой Хлеб». В селах Ураново, Владимирской губернии и Кривково, Смоленской губернии, организовались театральные кружки.

В с. Чураеве, Курской губернии, устраиваются спектакли, концерты, литературные вечера.

В с. Бессине, Орловской губернии, крестьяне просят устраивать спектакли чаще.

В с. Утка, Симбирской губернии, была поставлена детский спектакль. За вход брали сухарями, Собранные сухари—1 пуд, были отправлены подающим детям Москвы и Петрограда.

В деревне Березовке, Курской губернии, ставили «Власть тьмы», всем очень понравилось, так-как, эта пьеса изображает жизнь крестьян. В пользу Красной Армии кружком были поставлены «Тетка трешетка» и «Безработные». Две последние пьесы имели такой успех, что ставились в трех деревнях.

В с. Болоте, Тульской губернии, музыкальные вечера и спектакли очень охотно посещаются не только молодежью, но и стариками.

— У нас свой театр,—пишут из села Сергиевка; Орловской губернии.— Наш культурно-просветительный кружок, организованный крестьянами и учительницей, работает очень хорошо. 27-го апреля играли две пьесы: «Баронесса Фекла» и «Душкы сватают». Эти пьесы были очень понятны крестьянам и очень им понравились.

В д. Павловках, Тверской губернии, ставятся спектакли с участием крестьян. А в д. Соколово, Костромской губернии, спектакли охотно посещаются окрестными крестьянами.

Однако, культурно-просветительные кружки не ограничиваются только устройством спектаклей. Их деятельность более разнообразна. Помимо спектаклей, они имеют еще своей задачей насаждение грамоты среди взрослых, не получивших начального обучения. Для этого кружки открывают школы грамоты, вечерние курсы, избы-читальни, ведут беседы, лекции. Так, например, в селе Ивоте, Черниговской губернии, после победы красных войск организовавшийся кружок молодежи открыл курсы для взрослых; на курсы поступило 120 человек.

Вознесенский просветительный кружок, Калужской губернии, открыл курсы для взрослых, библиотеку-читальню и народный дом памяти Октябрьской революции.

В с. Гончарове, Владимирской губернии, открыты вечерние курсы для взрослых, где местные учителя преподают русскую историю, арифметику, природоведение и др. науки.

В Тропцкой волости, Нижегородской губернии, организовался районный просветительный кружок «Восходящее солнце». Открыты общеобразовательные курсы для взрослых; преподают учителя местной школы.

В д. Кошово, Калужской губернии, организованы вечерние курсы для взрослых, на которых ведется чтение газет, читаются лекции. Не хватает только книг, а читать хотят.

В с. Чураеве, Курской губернии, кружок открыл народный клуб, библиотеку-читальню, организовал хор, театральные кружок, кружок чтецов. Устраиваются лекции, чтения, спектакли, концерты, литературные вечера. В скором времени откроется школа грамоты для взрослых.

Просветительный кружок, дер. Печеры, Рязанской губернии, открыл народный дом, библиотеку-читальню, устроил восемь лекций.

В Молодеченской волости, Виленской губернии, во всем деревням открыты избы-читальни.

В с. Животове, Тульской губернии, открыта прекрасная библиотека. Составляется книжка—указатель, в которой будет сказано, какие книжки читать раньше, какие после.

В с. Рожново, Нижегородской губернии, организовался при волостном совете Ячейка коммунистов. Ею открыта библиотека в помещении бывшего кабака. Сад, заброшенный, очищен и в нем кипит деятельная работа; ведется чтение. Молодежь и беднота приходит с радостью просвещения там, где раньше отравлялись водкой.

В здании бывшей «монопольки» в Мошенской волости, Могилевской губернии, открыт народный дом «Октябрьской революции». В нем образовалась хорошая библиотека из книг, собранных со всех помещичьих имений. Ставятся спектакли, а на вырученные деньги приобретена политическая библиотека и выпущены газеты для всех деревень волости. В деревнях вокруг открыты избы-читальни. Горячее участие в просвещении деревни принимают школьные работники.

Сардинская волостной отдел народного образования, Вятской губернии, организовал в волости 41 избы-читальню и одну школу для взрослых. Занятия в школе производятся по субботам и воскресеньям от 5-ти до 7-ми часов вечера. Особенно интересуются географией,—где и как люди живут.

А вот что пишут из Хотобовской волости, Московской губернии. «У нас при Волынской экономии, в доме бывшего помещика Долгорукова, открыт детский клуб, устроен хороший музей, детский театр и детская библиотека.

В детском клубе читаются лекции по огородничеству, пчеловодству, преподают ручной труд. Дети выступают на сцене с радостью; театр их очень увлекает; играют они хорошо, а взрослые думают.

— Вот хорошо! Прежде способному мальчику не давали ходу, а теперь ничто не зарывается в землю».

С каждым днем сельская молодежь углубляет свою культурно-просветительную работу и ставит перед собою более широкие задачи.

Так коммунисты Тамбовской губернии, постановили устроить подвинуя книжную лавку на тележку и пустить ее по уезду для более скорого распространения книг и газет по примеру Швеции и Норвегии, где давно уже в ходу странствующие библиотеки. Каждая волость тогда будет

иметь центральный склад книг. Деревенские Культурно-просветительные кружки будут посылать в этот склад требования на книги, указывая, что интересует местных читателей: сельское хозяйство, история, политическая экономия и т. д. В центральном складе составляют маленькие библиотечки, книг по 30 в ящике, и пускают их в путешествие по деревням. Прочтут в первой деревне, пересылают ее в соседние и так далее. А из склада тем временем приходят взамен прочитанных новые книги.

А Поблинская коммунистическая ячейка, Глуховской волости, Минской губернии, организовавшая просветительный кружок, открывает у себя Народный Университет.

Только подумать: Народный Университет в селе!... Когда это сроду было, чтобы сам народ открывал у себя высшее учебное заведение? При одной мысли об этом царское и буржуазное правительства пришли бы в ужас, ибо учили они мужиков исключительно кнутом да часословом... Но

рабоче-крестьянское правительство не боится народного просвещения, не глушит его, не ставит рога, а принимает все меры к тому, чтобы двинуть это дело вперед... Даже в такое исключительно-трудное время, когда на советскую власть давят из-под каждой подворотни: когда ей лучшие силы приходится отправлять на красные фронты для защиты прав бедняков и трудящихся.—даже и в это тяжелое время советская власть не откладывает дело просвещения в долгий ящик и никому не запрещает работать в этой области, лишь бы это было на пользу трудящимся. И какой клеветой звучат слова тех «ненавистников» из лагеря белых, которые на каждом перекрестке обвиняют советскую власть в некультурности. Нет! Только при советской власти и возможно открытие всех этих курсов, клубов, библиотек, народных домов и Народных Университетов. При правительстве «просвещенной» буржуазии обо всем этом кажущимся званием придется помалкивать.

А. Новиковский.

Война классов в Северной Америке.

«В С. Америке, в благословенной стране свобод», происходит война! Война,—востоящая, война рабочего класса, которая разгорается злее, ли не по всей стране, захватывая все большие и большие круги пролетариев. Здесь происходит как раз та самая война, которая парализовалась в Европе из-за всевропейской резни, вызванной властью и капиталом империализма».

Письмо из Нью-Йорка «Набат» № 4.

История рабочего движения С. Штатов Сев. Америки богата эпизодами (событиями), являющимися хорошими уроками для будущего. Эти эпизоды—всеобщая стачка, восстания, бунт класса лейбмюш и обездоленных против строя грабежа и насилия.

Это предвестники грядущей Социальной Революции; это зарницы, озаряющие темный небосклон, предвестники страшной грозы. Когда она разразится? Мы не беремся предсказать! Но наблюдая этап за этапом классовую, пролетарскую борьбу в С. Америке, мы можем констатировать ее приближение.

В воздухе пахнет революцией; дух ее веет всюду, где насники труда стонут под двойным гнетом власти и капитала. Зловещий гул всеобщих стачек, прокатившийся эхом по всему земному шару—находит отголосок в самых широких кругах американского пролетариата. Стачки «солидарности» в Соединенных Штатах и Аргентине стали обычным явлением; чисто корпоративный характер их, с экономической подкладкой, мало по маду отсоединяется на задний план, наполняясь глубоким социальным содержанием.

Вопрос идет уже не о повышении заработной платы, не о сокращении рабочего дня,—а о самом существовании капитализма.

Летопись рабочей борьбы богата фактами, иллюстрирующими нашу мысль и указывающими до какой высоты может достигнуть всеобщая стачка, т. е. бунт рабочих на почве производства.

Достаточно припомнить кровавую стачку в Байоне, Нью Джерси, где забастовали 10.000 рабочих, принадлежащих Рокфеллеру, Стандарт, Опль и К^о—темных, забитых и несознательных эмигрантов: поляков, венгерцев, итальянцев, русинов.

В Байоне происходили, как и всюду в «демократической республике» Америке, погромы, избиения, издевательства и расстрелы рабочих; и здесь в течении недели происходила война между забастовщиками, слугами «нефтяного короля» Рокфеллера; и здесь шерифы (пристава) и местные полицейские попирали охраняемые ими же законы, раскрывая тюремные двери республики для бастующих; здесь запрещались неудобные «его величеству» Рокфеллеру газеты и употреблялись провокаторские приемы воздействия.

А недавние кровавые дни в Буэнос-Айресе (Аргентине): с баррикадами и 2000 трупов рабочих в течение недели—это даже настоящая гражданская война, при коей капиталистическое общество вынуждено напрягать всю свою энергию, пускать в ход все свои реакционные силы, чтобы сломать упорство и парализовать решительную атаку немущих.

Северная Америка—эта колыбель промышленного капитализма—особенно изобилует такими примерами. В Северной Америке наиболее развит экономический догматизм и сопротивление ему роковым образом должно приводить к самой острой, классовой борьбе.

В этом своеобразном царстве «Желтого Дьявола», где все шестит за все золото, где купля и продажа убили всякое живое чувство,—сытая буржуазия, лицемерно написавшая на своем знамени «равенство людей» и декларацию «прав человека»—подобно морскому чудовищу—спруту опутала народные массы своими щупальцами и как нигде в мире—выкачивает из него трудовую энергию и шлет его крови.

В силу этого обогателство С. Америка является лучшей школой, где массы изучают на практике ту социальную азбуку, которая доказывает, что легенда о «свободной демократии» иллюзия или тусовая ложь, которую выдумала власть и капитал имеющие для более тонкого, рафинированного угнетения пролетариата. Вместо грубых и железных дубин ему подменили их красивыми и изящными, из более благородного металла. Но цепи остались цепями. Даже социал-демократы вынуждены признать этот факт, устами своего представителя Зорге заявляя, что в демократической республике Соединенных Штатов С. Америки политические методы борьбы (парламентаризм), вместо орудия освобождения, становятся орудием угнетения, что буржуазия там завела такую «хитрую механику», что сама республика стала дешевле любой абсолютной монархии и что даже «пресловутые орудие борьбы рабочих—всеобщая подача голосов»—сделалась в С. Штатах сильнейшим средством деморализации и властвования буржуазии.

Прямая борьба в форме всеобщих стачек, сопровождаемых саботажем и экономическим террором (по программе «Индустриальных Рабочих Мира»;—индустриальной организации)—является классовым методом непосредственной борьбы с капитализмом, освобождающим массы от демократических иллюзий.

Мирные тред-юнионы (профес. союзы) и парламентаристы—соплататели теряют свое влияние и пролетариат С. Америки и Канады все больше и больше идет за «индустриалистами», которые объявили открытую войну власти капитала.

Почему для их движения создала мировая война,—кризис промышленности и прошлая стачечная борьба. Достаточно припомнить знаменитую Гомстедовскую стачку 1892 года, како-

нец Пульмановскую двумя годами позже и ряд других, которые открыли собою новую эру таких стачек—революций.

Далее за ними последовали грандиозные стачки рудокопов Западной Виргинии и Пенсильвании (902 и 906 г.)—стачки симпатии, из великого чувства солидарности, охватывая целую отрасль производства и давая примеры такой решительной борьбы, каких не видывали, до войны (за исключением России и Испании) в старом свете.

Говорить ли о пользе таких уроков? Доказывать ли ту простую истину,—трудно усваиваемую «кабинетными революционерами»,—что только получившая закал и боевое крещение масса способна пойти дальше и серьезно может ставить на очереди дня вопрос о полном социальном освобождении?

—Думаете ли Вы, что стачка принесла какую либидь пользу труду, спросил рабочего председатель сенатской комиссии, производивший расследование после подобной стачки—революции.

—Она была уроком, как все стачки—последовал ответ.—Каким уроком?

—Это научат рабочих приготовиться к следующей стачке.

«Приготовиться» к стачке—революции, прибавим мы, которая своим боевым духом и всеобщностью превзойдет предшествующие. Такова и была стачка в Колорадо, вспыхнувшая накануне мировой войны.

Драма в Колорадо.

«Необходимость заставляла кричать рабочие и оружие!» Тигры, вставшие над вами и жаждущие нашей крови, расстреляли вчера ваших братьев.

За что?

За то, что они имели дерзость заявить свое недоверие судьбам, которую эксплуататоры навязали им, они просили хлеба,—им ответили пулями очевидно, решив, что это лучший способ удовлетворить требования рабочих.

В продолжении долгих лет вы безропотно переносили все лишения, оскорбления, унижения, голод и холод. Вы работали с утра до ночи, жергали всем, даже взирая детям и все это для того, чтобы набивать золотом сумки тех самых господ, которые угоняют вас теперь пулями, за то, что вы осмелились поднять голос за облегчение тяжести гнетущего вас положения.

Вчера жены и дети убитых оплакивали жертвы наших под пулями капиталиста, а наши господа в своих домах, осушая бакалы с шампанским.

Рабочие, перестаньте плакать! Рабы, соберитесь с силами и восстаньте! Народа! что ты хочешь? Рабство и голод, или хлеб и свободу? Если ты хочешь хлеба и свободы, не терять зря времени, соберись с силами и возьмись за оружие. Смерть угнетателя! Без этого нет спасения! Народа! вспомни героев, которые кровью своею обгадили дорогу, ведущую к прогрессу и свободе.

Последай за ними, если можешь!

Ваши братья,

Миченик из Чикаго.

Одно время взоры всех американских рабочих были обращены к Колорадо. Там разыгралась драма, там дан был новый урок, купленный доро-

гою ценою. Под треск митралез и ружей вымпры капитала заявили свою волю рудокопам; шайка этих бандитов, во главе с милитардером Д. Рокфеллером справила свою райханацию, заглушая страх перед призраком революции.

Надо смеяться над ними, она как бы кричала:

«Рудоконы, вы хотите признания за Вами права на труд—на организацию союзов сопротивления капиталу?»

Но вы забыли—ваше назначение. Вы должны довольствоваться малым, вы парии из париев, безправные иммигранты. Работа от зари до зари—ваш удел—там, в глубине подземных шахт. В вечной боязни за свою жизнь от обвала, карьера гремящего газа. Работа—чтобы своим тлющим трудом содержать и обогащать так называемое «цивилизированное общество». Вы ропщете, недовольны судьбой! Вы протестуете, заявляя свое право на лучшую долю! Так пусть же огонь митралез и свинец заставит вас замолчать! Смерть бунтовщикам! Смерть рудокопам, их жесам и детям! Смерть рабам, вздумавшим разбить свои цепи!

Вот содержание драмы в Колорадо. Разве не кричат об этом, не вопиют ко мнению каждый камень на мостовой г. Людлова, каждая былинка в поле, каждый журчащий ручеек—обрызганный алой кровью рабочих!

Отныне Колорадо новая Голгофа Американского пролетариата. В вашей статье нам придется только с телеграфической краткостью рассказать о Колорадо, отмечая все характерные события из борьбы рудокопов.

Стачка в Колорадо сначала была чисто экономической и длилась более полугода. Положение рудокопов к этому времени было таковым: в долине, среди белых меловых гор, расположены рудники, «Фюель анд Ирон Компани», на которых занято 15.068 рудокопов.

Состав этой трудовой армии, самый разнообразный: здесь много итальянцев, словян, греков, и главным образом иммигрантов (выходцев) из Юго-восточной Европы. Различие религий и национальностей не имело никакого значения перед инвильдирующей силой капитализма. Все чувствовала себя, как один—в общих тисках спутра—капитала. Во всем рудокопы заветят от треста (совз эксплуататоров)—абсолютного хозяина их воли и труда. Рабочие живут в казенных квартирах (тавиле), получают из рудничных складов в тридцатую продукты, являясь жертвами самой наглой трюк—системы, (уплата жалованья натурой). В медицинской помощи, школах—та же заветность, от компании, во главе—коей—стоит Джон Рокфеллер.

До чего опасен их труд под землей, хорошо говорит цифра 323 смертных случаев в одном только 1910 году. Ведь американским республиканцам—буржуям некогда заботиться о жизни тех, кто работает на них.

Чаша терпения вскоре переполнилась. Рудоконы созвали митинг, на нем обсудили свое положение и голосованием постановили провозгласить всеобщую стачку, при помощи коей должны добиться признания за ними права на существование горнорабочего союза, отмены трюк—системы (расплата натурой), право жить в частных жилищах и пр.

Для компании акционеров, которая привыкла видеть только покорных труженников—это был неожиданный сюрприз. Она последила командировать в Вашингтон (столицу) делегацию из адвоката, банкира и католического священника, чтобы добиться военной помощи и убедить правительство, что сами рудокопы довольны своим положением, и что вся беда в агитаторах, подстрекающих их.

Надо заметить, что еще в августе 1913 года рудоконы этого района решили объединиться с американской «Федерацией Горнорабочих», при содействии агитатора Франка Хайра.

Компания при помощи агентства «пинкертонов» (наемная полиция убийц, провокаторов и стачколомов) «Балдвин Фелд» совершила убийство из за угла одного из делегатов федерации, явившегося для переговоров.

Правда, убийцы «пинкертоны» сначала были для видимости арестованы, но затем освобождены. Все эти факты, имевшие место на территории «свободной» демократической республики С. Америки, только подлили масло в огонь, ускорив кровавые события.

Уже 23-го сентября, когда Рокфеллер отверг за рудокопами право на организацию в свой союз, началась всеобщая забастовка.

Не смотря на то, что стояла страшная стужа, рудничная компания (администрация) поспешила выпкнуть всех забастовавших, вместе с их женами и детьми на улицу. Тогда последние вынуждены были наскоро построить из досок бараки и временно устроиться в них.

Рокфеллер,—в угоду которому американское правительство объявило войну с Мексикой,—нефтяной король, обладающий несчетными богатствами во всех концах мира—решил стоять до конца. Он отверг все предложения рудокопов, заменил их «жесткими» (стачколомов из несознательных) провинции Виргинии, намеревавшимися из всякого сброда и вооружил их на свой счет. Эти лакеи капитала стали всячески протекать рудокопов—стачечников, издаваться над их женами и детьми. Между обеими сторонами стали частые столкновения. Правительство на подмогу рудничной полиции прислало федеральную милицию. Губернатор штата Колорадо—Аммонс—поспешил объявить орденом положение в районе рудников, с двумя главными городами: Тринидид и Вальсбург. Прислааны были блиндированные автомобили, снабженные пулеметами. Уже через три недели по провозглашении стачки в м. Людлове

заговорили митральезы. Несколько рабочих были убиты, много раненых. Начались аресты вождей движения.

Этого было мало власти и капитал имеющим! Нужны были новые преступления, и вот ночью милиционеры подкрались к баракам, обложили их детем и подожгли. Когда женщина и дети, в большинстве находящиеся там, в паническом ужасе стали выбегать из горевших барачков—милиционеры открыли огонь. Много таким образом было убито и ранено! Эти события вызвали взрыв возмущения. Везде заволновались рудокопы, везде слышны были возгласы: «отомстим за жен и детей из Людлова.» Толпы возмущившихся хлынули на кони. На шахте «Эмир» один высший чиновник администрации и инженер были застигнуты врасплох, заперты и стерели в шахте. Все было предано огню и разрушению.

Первое открытое столкновение с правительственными войсками имело место в м. Форбес 17-го Октября. Ночью милиция обстреляла пулеметами рабочий жилища, но никто не был убит, ибо все ожидали нападения и спали на полу.

Рабочие поняли, что надо прибегнуть к самозащите. С этой целью они выбирают хорошую стратегическую позицию в м. Людлове, которую солдаты пытаются взять штурмом, длящиеся е пятницы до утра понедельника.

Во время этого кровавого боя войска правительства оставили на поле битвы 40 убитых и еще больше раненых. Сражение в Людлове ободрило рабочих. В свою очередь американское правительство, которому не была выгодна гражданская война, предлагает «арбитражный суд», но нефтяной король на отрез отказывается, заявив, что он скорее потеряет свое состояние до последнего цента, чем уступит. В то же время, боясь за свою шкуру, Рокфеллер скрылся из своего замка и, как сообщали газеты, проживает под чужим именем в одной из санаторий, на берегу океана.

Интересный факт—что даже следственный суд в Людлове признает незаконность действий рудничной компании и ее «пинкертон», а военный губернатор Горрисон опубликовал даже доклад, в коем обещал: расследовать поведение офицеров милиции, и в случае признания их вины—передать их суду.

С наступлением весны борьба рудокопов оживляется. 10-го Марта милиция, командуемая генералом Шапес, снова уничтожает жилища рудокопов в Форбесе и Людлове. В пламени пожара снова расстреливают жен и детей. На утро же убийцы—полицейские устраивают охрану обгоревших руин, не давая родственникам возможности подобрать трупы. Все же, несмотря на это, было обнаружено 40 обгоревших трупов женщин и детей, которых не успели взорвать динамитом полицейские.

Все угольно-промышленный район Колорадо становится ареной социальной войны, кровавой и решительной. Трудно в отрывочной форме дать полную картину этой захватывающей по сво-

ему трагичному борьбе. Укажем лишь несколько эпизодов, чтобы нагляднее представить, до каких форм классовой борьбы поднимается рабочее движение «свободной демократической республики» С. Америки и как беспощадно расправляются с рабочими представители американского капитализма! Все те-же хищники и бандиты, которые теперь, наполнив карманы трудами золота, важными на бедствиях мировой войны, выступают на парижской и прочих конференциях в виде защитников гуманности, поборников «любви народов» и сторонников вешного мира.

Читатели увидят, что царские ставленники и палачи.—эти Юденичи, Девинины, Дутовы, Красновы—мало чем уступят в своих насилиях, издательствах над рабочим народом, перед своими учителями за—атлантической демократической республикой. Палачи «учредительской» России стоят таких же убийц Северо-Американской республики.

Но вернемся к Колорадо. Пред нами угольные копи, в долине белых гор, идут тысячные толпы рудокопов—этих «черных рыцарей», вооруженных как полагало, но с определенным выражением на лице, с готовностью постоять до конца. Рудокопы возле м. Бункер Хиль встречают милицию, сопровождаемую артиллерией. На орудиях они отвечают захваченными у «пинкертон» митральезами. Заявляясь упорная битва. Со стороны рудокопов прибывает все новья и новья подкрепления. Агитатор—грек Луис Тикас выступает парламентом (посредником) и идет к войскам с белым флагом. Его берут в плен и вскоре пули прорештели его тело. Расстреляли. Снова кровавый бой.—новья жертвы.

Когда прибыли федеральная войска и потребовали сдачи оружия, рудокопы категорически отказались, потребовав предварительного разоружения рудничной полиции. Эти бандиты—полицейские в это время грабят жилища рабочих, совершая массу зверств. Так в одном месте они напали на ферму, превращенную в лазарет для раненых, и перебили всех находящихся там за исключением рудокопов и сестер милосердия, ухаживающих за ними.

Среди забастовщиков—рудокопов было много словня, в том числе и русских. Во время похорош одного из них, агитатора, который был вызван в бюро К^о и убит на улице, состоялся манифестация. Несколько тысяч углекопов е их женами и детьми шли за гробом убитого. Вооруженный отряд русских революционеров покаялся на могиле товарища отомстить за его смерть.

Все сознают, что ужасы Колорадо могут быть сматы только кровью американской буржуазии, и все верят, что час этой расплаты не за горами. События в Колорадо вызвали взрыв негодования во всей Америке.

Даже немецкие социал-демократы заявили президенту республики, что если он не прекратит бойню, они вынуждены будут послать рудокопам оружие и боевую аммуницию. Самы рабо-

щие перешли от слов к делу. Они организовали в Соединенных Штатах «армию самозащиты», открыв национальную подписку для приобретения оружия для забастовщиков.

На с.езде в Шарлестовене (Зап. Виржиния) федеральный конгресс рудокопов, членов «Союза Объединенных Горнорабочих» высказался за всеобщую стачку солидарности. От своего имени он обращается к «Американской Федерации Труда», прилагая к ее в знак протеста объявить стачку всех корпораций труда. В Филадельфии, Чикаго, Нью Йорке произошли манифестации. Демонстранты Нью Йорка окружили дворец Рокфеллера. На плакатах, висящих над их головами, красными буквами были выведены слова: «Не убий, ни в Колорадо, ни в Мексике».

Молодая девушка работница Мария Гане указала рабочим дорогу, пробравшись во дворец миллиардера с револьвером в руке и кружком при аресте «Я хотела его убить, как собаку!»

Месть вампирам труда, массовое возмущение и революция—вот к чему она звала рабочих. Тразизм Колорадо—в том, что события его не вызвали аналогичного взрыва во всей стране. Мировая война, всхлывшая по ту сторону океана, отвлекла все внимание американского пролетариата и он, забыв на время счеты с северо-американской буржуазией, стал с захватывающим интересом следить за тем, что превратило мало-помалу в пылающий костер всю Европу.

Событие, как стачки рабочих и расстрелы их на сахарных плантациях острова Порто-Рико,

массовые убийства бастующих в городе Рузвельте, стачки на военных заводах Бриджпорта для завоевания восьми часового дня, были частичными эпизодами в истории американского рабочего движения.

Но вот началась ликвидация империалистической войны. Из Европы пришли вести о целом ряде продвинувшихся революций, вести, которые всколыхнули американский пролетариат и в среде его замечается новый подъем. Рабочие начали ряд героических стачек, протестуя против преступлений милитаризма и лживой политики северо-американской демократической республики.

Правительство ответило массовыми арестами вождей, высылкой и заключением в тюрьмы иностранцев—агитаторов, целым рядом репрессий против рабочих союзов и организаций. Но это не остановит роста движения, это только придаст ему более резкую и решительную форму.

В настоящее время в Соединенных Штатах называют грандиозные события, которыми руководят «Индустриальные Рабочие Мира»,—эта боевая организация азиатского пролетариата,—которая действует не только на территории Соединенных Штатов, но и в Калифорнии, Канаде, Новой-Зеландии и Австралии.

Движение, вызванное этой классовой организацией, растет могучею целую капиталистическую струю и раньше или позже приведет его к полному крушению, создав на его руинах свободное, коммунистическое общество.

Н. Родас.

ХРОНИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Из доклада о деятельности Самарского Губвоенкома.

За февраль—апрель месяцы.

Общая деятельность Самарского Губернского Военного Комисариата за время своего существования, начиная с февраля месяца сего года, несмотря на тяжелые условия, в виду баню стачки, развернулась, очень широко.

По административно-мобилизационному отделу были произведены учет и мобилизация, при чем на учет по губернии были приняты 183605 человек. Затем была произведена мобилизация лошадей, верблюдов, повозок и упряжи.

Было произведено формирование эшелонов новых частей. Произведен ремонт издреманных помещений. В зданиях, взятых на учет и принадлежащих Коммунальному отделу Горисполкома, произведена работа по оборудованию помещений для войск и лазаретов. Присутствовало к ремонту лагерей на Барбашинной Поляне. Организованы артели по вырубке леса в пределах дач, рыболовство в реке Вогае силами самих красноармейцев. Оборудованы электрической проводкой и энергией бригады в Иланьковке. С апреля месяца коренным образом организована борьба с дезертизмом.

По отделу всеобщего военного обучения имеется 13 отделов, 146 районных пунктов и 265 местных бюро.

С наступлением весны обращено особое внимание на заготовку площадей для детских игр, приняты меры для изготовления хозяйственным способом необходимых пособий для спорта.

По агитационно-просветительному отделу работа велась самая разнообразная: организация партийных ячеек, клубов, красноармейских школ, курсов, библиотек и т. д. и т. д. При агитпросветотделе имеется литературно-издательская секция, издающая листовки, воззвания и журналы «Красная Армия». Листовки распространяются главным образом по фронту, по тыловым военным частям, по селам, деревням и по городу.

Из доклада Политотдела Самарского Губвоенкома.

За май месяц.

Экспедиционным отделением за месяц распространено по уездам, по Самарскому гарнизону и по тыловым воинским частям губернии газет, листовок и воззваний 549,767 экземпляров.

Литературно-издательским отделением издано 205000 листовок и воззваний, однадцать разных наименований, из них: два воззвания на татарском языке, четыре воззвания к кочевникам.

Работа по устной агитации среди красной армии была коренным образом реорганизована. Было создано военно-агитационно-организационное бюро при Губернском комитете коммунистической партии. Бюро объединяет, и координирует работы агитационно-организационных отделений Губвоенкома, юнкотрупа Востфронта и комитета партии. Помимо громадной организационной работы, которую удалось выполнить, Бюро развило самую интенсивную деятельность в агитационном отношении. За

олну неделю было устроено 151 совещание, на которых присутствовало от 30—200 человек. За месяц было проведено 58 митингов, на которых присутствовало до 100000 слушателей.

Школы всего функционирует 8 с 368 учащимися при 10 учителях. Кроме того, организована школа при учебной команде Привольского полка с 300 учащихся.

Лекторыми культурно-просветительного отдела было прочитано в различных красноармейских частях на различные темы 44 лекции при 13230 слушателях.

Функционируют две библиотеки читальни: 1) при клубе Барда Либихшта 500 томов (посетителей 10—12 человек в день), 2) при клубе III Интернационала 1151 книга; посетитель ежедневно около 250 человек.

Кроме этого, в широком размере ведется работа в красноармейских клубах; устраиваются митинги, лекции, ставятся спектакли, концерты, кинематографические сценки и пр.

Порывавшись было, и севаш с наступлением Кочака, связь с узлами восстановлена. Из докладов с мест видно, что агитационно-просветительная работа на местах также не прерывается и развивается все шире.

Деятельность издательской секции Политотдела.

Издательская секция организовалась в феврале текущего года.

Издательство долгое время не могло развернуть своей деятельности широко и целесообразно за отсутствием штата, средств и ввиду слишком малого количества работников (всего двое). В настоящее время штаты утверждены, но работа тормозится за отсутствием бумаги в связи с общим бумажным кризисом.

Несмотря на это, издательской секцией за время своего 5 месячного существования издано до 30 листовок и листовки, из которых около 10 к Большаковым и издано на татарском языке — всего 64000 экземпляров. Кроме того, выпущено пять по меркам большого литературно-художественного красноармейского журнала «Красная Армия» в количестве 5000 экземпляров. Журнал распространен через центральную экспедицию В. И. И. К. по красным фронтам, через экспедицию конструктора по восточному фронту и бесплатно по самарскому гарнизону и губернии.

НОВЫЕ КНИГИ.

Мих. Герасимов.—Завод весенний. Стихи. Издание Московского пролетарьята, 1919, стр. 91, ц. 4 р.

Небольшая, но сравнительно изящно, по теперешним временам, изданная книжечка Мих. Герасимова, заключает в себе 42 стихотворения. Большинство из них посвящено заводу: революционного и до-революционного времени. Поэт пишет о городе, — о сады железа и гринута* от «двух соловьиных селения» и совершенно полами «ширину родных раздолья и землю мягкую и цветаста». «Шелка баюкающих трав» ой променял «на камень жесткий», и стали ему, «как сон далекий» — былые дни среди полей».

Отдавая себя городу, заводу, заводским гудкам, сиренам, «каскоу меди и железа», поэт восторженно говорит:

«Сколько звона, сколько пения...
Пила вскри—мысль зовет:
Как люблю тебе, весенний,
Искропламенный завод»...

Поэт признается, что он любит «зареву вагранок, куски стальных болванок и труб заводских струны».

По приведенным выдержкам можно было бы заключить, что поэт в своих поэтических настроениях идет по одной определенной линии; что завод с его звонами шкивов и ремней и заревом вагонов, — как раз та стихия, из которой он черпает силы, во это не так. Даже «весенний завод» не захватывает его целиком, и мало радует. Его «притягивает и манит небо», «блеск далекий», «чуждый злов симфоний вечных» и тоскадушная душа поэта «как ласточка» взлетает в иной восторженный полет. На фабричную трубу поэт уж смотрит, как на «фанея надломленная», как на «палача, облитого жаркой кровью, преграждающего вход». Поэту тяжело и душно в заводских стенах, хочется выйти из них, «взмахнуть в заревую даль», «купаться в тучах несмеркнущего солнца» и хотя — но «на быстротечное мгновение взлететь от горлов в звездный храм».

Ему надоедают каюкот меди и железа, и он приказывает: «Машина, оборви гудель!»
Дай хор света послушать нам»...

Поэтические переживания Мих. Герасимова санником многообразны, а благодаря этому нет и твердого определенного настроения в стихах, посвященных «Весеннему заводу». При чтении их рождаются осязод какого-то томления, невыясненной горечи и раздвоенности чувств. Описывая завод, Мих. Герасимов, как тонкий лирик, выявляет только свои переживания, только «бесцветность» и многогранность своей души, стремящейся куда-то взлететь*, но совершенно не преломляет и не показывает коллективную творческую силу пролетариата, зажигающего новые красивые зори.

Собранные в сборник стихотворения не вполне оправдывают названия сборника, так как «Завода весеннего», как целого освобожденного коллектива с его стальными мускулами, разумом и волей в них не чувствуется.

Талантливый, искренний и чуткий, Мих. Герасимов стоит еще в полусе неопределенности, в полусе внутреннего брожения и внутреннего самоопределения.

«ПУТЬ», литературно-художества и профес. журнала Всероссийск. Сов. железно-дорожн. профес. союзов Москва, № 2 Март—Апрель 1919 г. цена 5 р. 50 к.

Художественный отдел № 2 журнала «Путь» шире и разнообразнее, чем это было в первом №. В рассказе «Шлак» т. Н. Тимковский рисует жизнь богатого заводчика Кузнецкого в последнее дореволюционное время. В то время, когда преступная война, затеянная Николаем кровями, уводила из полей сражений десятки тысяч крестьян и рабочих, господи Кузнецкий, доставляя заказам на военное ведомство и живящая на них миллионы, делал сотам шикарные обеды с шампанским и анкером, а рабочих, голом и кровью которых питался, считал кусками негодного шлама (отбросов). Рассказ резко вскрывает социальную подоплеку старого буржуазного строя, построеного на сплошном угнетении рабочих.

Сочный, красочный, с большим душевным настроением рассказ оловорого писателя Б. Пильника «У Николая, что ни бьет колодезь».

Современны и статьи в журнале, как, например: «В вопросе об освобождении интеллигентных слоев», «Как должны быть настроены потребительские коммуны на железных дорогах?», «Русская промышленность в цифрах» и другие. Издан журнал весьма хорошо, на хорошей бумаге большого формата в два столбца. Цена № по теперешним временам не высока.

Почтовый ящик.

Журнальчику «Из весенних мотивов» не подошло. Слишком старая весна. Не журится надо, вата в облаках, а художественным взором ловить новые краски новой весны, все время придирающийся к деталям.

Заскучил Кузьмину. Ваша драма называется «Погром», хотя картины погрома в ней нет. Разуждения действующих лиц, на манер Горького, вообще устарели, а к данной вещи абсолютно не подходит.

Рассказ «Ничий» безнадежно устарел. Филантропическое течение в русской литературе умерло в 40—60 годы. Не поместим. Дайте что-нибудь современное, революционно-пролетарское.

Москва. Александру Гудецкому. Поэзия «Гогофа» будет помещена в августовском номере нашего журнала.

Сормово. Князеву. Присланное вами стих. санником неотработано. Дайте более выдержанные стихи — поместим.

Т. т. красноармейцам. Мысли революционные, иногда очень глубокие, но сами стихи плохи. Учиться писать стихи, не смущайтесь первой неудачей. Пишите прозой.

Просят всех товарищей присылать рукописи для нашего журнала, писать их четко, на одной стороне места, указывать для сведения редакция фамилии, точный адрес и занятая: красноармеец, рабочий и пр.

Содержание.

Стихи и проза.	Стр
Июль.— <i>Дорогойченков</i>	3
Петрограду (стих.)— <i>Дорогойченков</i>	4
Туда.— <i>Аско</i>	5
Моя весна. Красный Интернационал. (стих.)— <i>Дорогойченков</i>	7
Сестры— <i>Н. С.</i>	8
Весна человечества.— <i>П. Дальний</i>	9
Песня Девушки. (стих.)— <i>Дорогойченков</i>	—
. (Стих.)— <i>Н. Павлович</i>	—
Красноармеец. (стих.)— <i>П. Арский</i>	10
В глуши. (очерки.)— <i>Аско</i>	11
Гражданская война. (очерки)— <i>П. Яровой</i>	17
Первый коммунист (биографическая повесть из времен французской революции)— <i>А. Карасевич</i>	20
Мужья разлива.— <i>П. Дальний</i> —	25
Утро на Волге. (стих.)— <i>Дорогойченков</i>	—
Сенокос. (стих.)— <i>В. Казин</i>	—
Сатира и юмор.	
Колчак, попы и Бог.— <i>Красное Жало</i>	26
Разговор „Его Величества“ с „их преосвященством.“— <i>А. А.</i>	27
Статьи.	
На страже.— <i>Дорогойченков</i>	—
Беседы.	
Почему надо быть коммунистами.— <i>П. Яровой</i>	29
Наша культура.	
Международный язык пролетариата.— <i>Печени</i>	33
Обзоры.	
Лишай и наросты.— <i>А. Сергеев</i>	36
Как живут по новому.— <i>П. Яровой</i>	38
Деревня и просвещение— <i>А. Поинковский</i>	39
Война классов в Северной Америке— <i>Н. Родаев</i>	42
Хроника и библиография.	46